АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

ЗВѢЗДА НАДЗВѢЗДНАЯ

STELLA MARIA MARIS

YMCA PRESS
PARIS
MCMXXVIII.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

ЗВѢЗДА НАДЗВѢЗДНАЯ

STELLA MARIA MARIS

YMCA PRESS
PARIS
MCMXXVIII.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

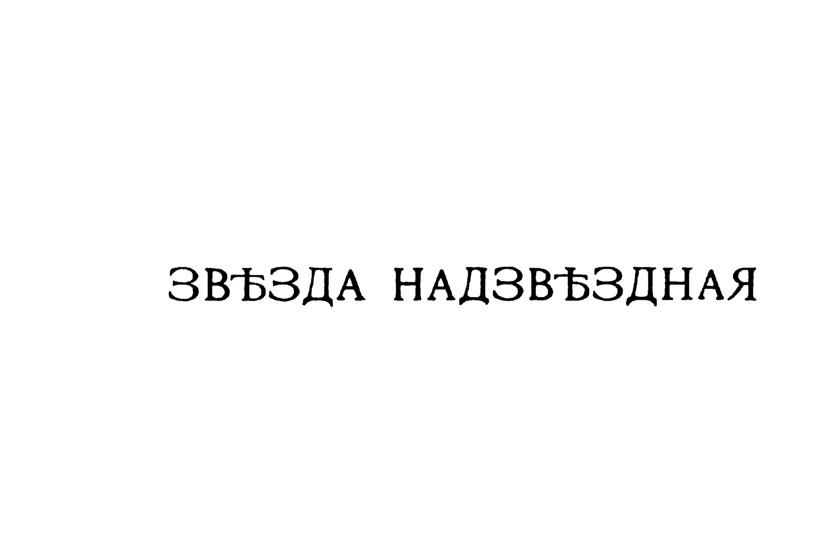
Взвихренная Русь. Изд. Таир. Парижъ 1927.

Оля. Изд. Вол. Парижъ 1927.

Звѣзда Надзвѣздная. Изд. YMCA PRESS. Парижъ 1928.

Printed in France

посвящаю
С. П. Ремизовой Довгелло

ЗВѢЗДА НАДЗВѢЗДНАЯ

ЗВѢЗДА - НАДЗВѢЗДНАЯ

Іуда — «онъ первый у Христа ученикъ» — и предалъ.
И когда все понялъ, швырнулъ деньги —
«кровь на нихъ къ рукамъ прилипла!» — и пошелъ.
А куда итти? — За смертью пошелъ: «одинъ конецъ!»
Пошелъ за смертью — а смерти-то и нѣтъ:
къ рѣчкѣ прибѣжалъ — рѣка ушла;
въ лѣсъ бѣжитъ — наклоняется лѣсъ.
— Кто же избавитъ его отъ его черной окаменѣлой жизни?

*

Христа на крестъ повели —
Спрашиваютъ Петра:
«вѣдь ты зналъ Христа?
«Не знаю такого — никогда ничего не слыхалъ про такого!» — отрекся Петръ.
И когда все понялъ — вѣдь еще такъ недавно онъ клялся:
«и пусть всѣ соблазнятся, онъ никогда не соблазнится»,
«и пусть лучше помереть, не отречется никогда!» —
и горько заплакалъ и пошелъ — «не вернуть!» —
пошелъ, куда глаза глядятъ.
И три дня плакалъ во рву, въ придорожномъ оврагѣ:
не могъ отъ горя подняться
и глазъ поднять.
— Кто же подыметъ его изъ его чернаго рва?

*

Богородица у креста стоитъ.
Видитъ Сына — виситъ на крестѣ,
видитъ муки — и не можетъ помочь.
— А есть ли горе темнѣй и безысходнѣе твоего безсилья: «нельзя помочь!»—

И упала она передъ Крестомъ
и замѣшались въ ней мысли...

Ночь! —— «а какъ былъ ты маленькій, ѣхали мы изъ Виѳлеема въ Египетъ ночью, впереди бѣгутъ львы и барсы, показываютъ путь въ пустынѣ; остановилась звѣзда, я присѣла на камень, распеленала тебя, а левъ подошелъ и голову положилъ къ ногамъ, какъ шуба, тепло, и другой подошелъ — самый страшный — лапу протянулъ поздороваться — «звѣри понимали...» — Ночь! Эта ночь истерзаннаго отчаявшагося сердца, когда угасаютъ послѣднія звѣзды.

И когда погасли послѣднія звѣзды —
сталъ передъ ней архангелъ —
и подаетъ ей вѣтку — звѣзду съ неба:

она подняла глаза и видитъ: ея Сынъ на крестѣ — въ свѣтѣ и славѣ!

*

И пошла Богородица отъ креста, понесла въ міръ звѣзду —
мимо рва проходила, гдѣ плакалъ Петръ:
и Петръ увидѣлъ звѣзду и вышелъ изъ рва;
по бездорожью идетъ, гдѣ и звѣрь не проходитъ,
Іуда увидѣлъ звѣзду — и свѣтъ озарилъ ему путь...

Въ этотъ міръ пришла — тамъ ничего не ждутъ и не чаютъ! — и звѣздой освѣтила намъ тьму:

з в ѣ з д а н а д з в ѣ з д н а я

Богородицу и Матерь Свѣта
въ пѣсняхъ возвеличимъ!

СОЛНЦЕ

Что ты знаешь о солнцѣ?
Вотъ горитъ оно и грѣетъ
        и грѣетъ и сіяетъ —
что же?
и откуда оно?
А какъ нѣтъ его долго,
        долго не видимъ,
мы его ждемъ и грустимъ,
а встрѣтимъ — обрадуемся.
И откуда свѣтъ такой?
И гдѣ тепло — откуда оно грѣетъ,
        свѣтъ-солнце?

Солнце отъ Бога —
        отъ страстей Божьихъ.

Сотворивъ небо и землю, помыслилъ Богъ о дѣлахъ своихъ:
        что сотворитъ?
и когда подумалъ, что сотворитъ человѣка,
        и чѣмъ будетъ человѣкъ —
        какъ оставитъ человѣкъ завѣтъ Божій
        и не пойдетъ въ судьбахъ Божьихъ,
о бѣдѣ и о всемъ горѣ людскомъ подумалъ,
и о мерзости въ людяхъ на трудной землѣ,
        и какъ родится отъ человѣка Сынъ Божій,
        и какъ для славы и чести погибшаго человѣка
        Его распнутъ,
        и въ мукахъ приметъ Онъ крестную смерть —
и когда о смерти подумалъ — —

слеза
покатилась
изъ
ока
— —
—

эту слезу свою Богъ и назвалъ солнцемъ.

Солнце отъ Бога —
солнце — Божья слеза.

АДАМЪ

Восьмичастнымъ создалъ Богъ человѣка:
от земли — остовъ,
отъ моря — кровь,
отъ солнца — красота,
отъ облакъ — мысли,
отъ вѣтра — дыханіе,
отъ камня — мудрость и твердость,
отъ свѣта — кротость,
отъ духа — мудрость.
И когда сотворилъ Богъ человѣка, не было имени ему.

Высота небесная — Отецъ,
широта земная — Сынъ,
глубина морская — Духъ.
А созданію Божьему — человѣку — имени нѣтъ.

И призвалъ Богъ четырехъ ангеловъ:
Михаила,
Гавріила,
Рафаила,
Уріила.
И сказалъ Богъ ангеламъ:
«Идите и изыщите имя человѣку!»

Михаилъ пошелъ на востокъ —
и встрѣтилъ звѣзду, Анатоли имя ей, и взялъ отъ нея

А

и принесъ къ Богу.

Гавріилъ пошелъ на западъ —
и встрѣтилъ звѣзду, Дисисъ имя ей, и взялъ отъ нея

Д

и принесъ къ Богу.

Рафаилъ пошелъ на полночь —
и встрѣтилъ звѣзду, Арктосъ имя ей, и взялъ отъ нея

А

и принесъ къ Богу.

Уріилъ пошелъ на полдень —
и встрѣтилъ звѣзду, Месеврія имя ей, и взялъ отъ нея

М

и принесъ къ Богу.
И повелѣлъ Богъ Уріилу произнести слово — имя человѣку.
И сказалъ Уріилъ:

А Д А М

И былъ Адамъ первый человѣкъ на землѣ.

КЛЯТВЕННЫЙ КАМЕНЬ

«Идите! И не думайте возвращаться! И не кляните Бога своего: гнѣвъ вашъ будетъ безсиленъ и упадетъ на вашу голову!»

И загорѣлся огненный мечъ въ рукахъ херувима —

— затворились двери рая —

Въ отчаяніи упалъ Адамъ, и Ева — и заплакали.

Семь дней они плакали, не подымая глазъ, не подымаясь съ земли.

И въ седьмой день услышали голосъ:

«Простираю милосердіе мое надъ вами: настанетъ часъ завѣта, я приду и верну вамъ рай!»

Они подняли глаза — и не увидѣли Бога, какъ прежде! — въ дверяхъ рая стоялъ херувимъ съ огненнымъ мечомъ.

И просятъ они херувима открыть имъ:

когда же придетъ Богъ и возвратитъ имъ рай?

«Не годъ, не тысяча, пять тысячъ и пятьсотъ восемь лѣтъ пройдутъ, и Богъ освободитъ васъ! — сказалъ херувимъ, — а теперь идите, говорю вамъ, и не думайте возвращаться! И не кляните Бога своего: гнѣвъ вашъ будетъ безсиленъ и упадетъ на вашу голову!»

И они пошли, покорные, чтобы никогда не возвращаться.

И змѣй посолзъ за ними — и они не узнали змѣя:

былъ онъ прекраснѣе всѣхъ тварей — а теперь ползалъ,

былъ онъ одаренъ словомъ — а теперь нѣмъ.

Нѣмой, онъ съ укоромъ смотрѣлъ на Адама и Еву.

*

Угрюмо жуткою ночью смѣнялись первые дни на землѣ.

И было тяжко и трудно.

Безплодная, проклятая Богомъ земля — пустыня:

мракъ и тѣснота въ жилищѣ,

страхъ передъ враждебными звѣрями,

тоска, страхъ и утомленіе.

увы! раю мой прекрасный!

Не могли забыть райской жизни, вспоминали; вспоминая, подходили къ райской оградѣ: становились на колѣни —

И змѣй съ ними:

былъ онъ прекраснѣе всѣхъ тварей и вся тварь любовалась имъ,
а теперь ползалъ, ядовитый! — и отъ него всѣ убѣгали.

увы! раю мой прекрасный!

И никто ихъ слезъ не слышалъ.

Никто не отзовется.

Херувимъ съ огненнымъ мечомъ охранялъ двери рая.

Въ отчаяніи они возвращались на свою ненавистную скалу въ пещеру.

И змѣй ползъ за ними.

— — — — — — —

*

Въ концѣ перваго года родился Каинъ.

Былъ онъ — первый, рожденный на землѣ — прекрасенъ, какъ змѣй, и страшенъ:

на его головѣ извивалось семь змѣиныхъ головъ.

Трудно Евѣ и тяжко: измученная, она всѣхъ кормила — и сына и змѣй, извивавшихся вѣнцомъ на его головѣ.

Адамъ ничѣмъ не могъ помочь, безсильный облегчить ея боль.

А змѣй — онъ жилъ съ ними въ пещерѣ — нѣмой, только смотрѣлъ съ укоромъ.

И была скорбь на землѣ.

* * *

Безнадежно смѣнялись дни тяжкою ночью.

Пришелъ Сатана и сказалъ Адаму:

«Что мнѣ дашь, я помогу Евѣ?»

«Все, что хочешь!» — отвѣтилъ Адамъ.

«Клянись, — сказалъ Сатана,— и ты и все твое потомство предаетесь въ мою власть».

И взявъ бѣлый камень, кровью подписалъ Адамъ клятву:

отдается во власть Сатаны и все потомство его
до послѣдняго человѣка.

И тогда семь змѣиныхъ головъ отпали отъ головы Каина.

И была на землѣ первая радость.

*

А Сатана, забравъ красный клятвенный камень и семь змѣенышей, пошелъ отъ пещеры на Іорданъ:

тамъ подъ утесомъ положилъ камень, и змѣй сторожить его.

И когда умеръ Адамъ — душа его отошла къ Сатанѣ.

Умерла Ева — и душа ея отошла къ Сатанѣ.

И всѣ, кто умеръ за Адамомъ и Евой, всѣ пошли въ царство Сатаны по клятвѣ Адама.

*

Установленные Богомъ дни шли чередомъ.

Люди рождались и расходились по землѣ:

надѣясь и отчаиваясь,
безпокоясь и въ безпечности тратя жизнь,
одни хотѣли власти, другіе богатства, третьи славы,
и любя и ненавидя,
и жалѣя и убивая.

Установленные Богомъ часы проходили въ тайномъ служеніе неизмѣнно

Наступалъ первый часъ ночи — часъ поклоненія демоновъ:

и демоны не вредили человѣку и зло покоилось, не убывая, не прибавляясь.

Наступалъ второй часъ ночи — часъ поклоненія рыбъ:

и подымался Океанъ съ своимъ царствомъ, склоняясь до глуби морскихъ глубинъ.

Наступалъ третій часъ — часъ поклоненія безднъ преисподнихъ — —

Наступалъ четвертый часъ — часъ славословія серафимовъ:

и шумы крыльевъ музыкой наполняли небесные храмы.

Наступалъ пятый часъ — часъ служенія водъ превыше небесъ — —

Наступала полночь — шестой часъ:

и собирались облака, потрясая вселенную великимъ священнымъ ужасомъ.

Наступалъ седьмой часъ — часъ покоя силъ всего живущаго.

Наступалъ восьмой часъ:

и радовалась земля росѣ, нисходящей на сѣмена и травы.

Наступалъ девятый часъ — часъ служенія ангеловъ, стоящихъ передъ престоломъ Величія.

Наступалъ десятый часъ — часъ молитвы:

и отворялись небесныя врата — и молитвы входили къ Богу
и Богъ благоволилъ къ человѣку;
а серафимы, ударяя крылами, музыкою наполняли небеса;
и пѣлъ на землѣ пѣтухъ.

Наступалъ одиннадцатый часъ:

и всходило солнце, радостью освѣщая и согрѣвая вселенную.

И наступалъ двѣнадцатый часъ — часъ надежды и молчанія чиновъ ангельскихъ

передъ престоломъ Божіимъ.

— — — — — — — — — — — — — — — — — —

Красный клятвенный камень лежалъ на Іорданѣ подъ утесомъ — змѣи сторожили камень.

И адъ съ каждымъ часомъ возросталъ, наполняясь сынами Адама.

*

И насталъ часъ завѣта — родился на землѣ Сынъ Божій.

И когда наступило время, пришелъ Онъ въ пустыню на Іорданъ къ Іоанну:

и Его узналъ Іоаннъ.

Ставъ подъ утесъ на красный клятвенный камень, крестился Христосъ отъ руки Предтечи:

и вода подъ стопами Христа обратилась въ огонь —
огнемъ попалило змѣй,
огонь прожегъ камень.

Духъ Святой осѣнилъ — — и слышенъ былъ гласъ съ небеси:
«Вотъ Сынъ мой, въ немъ мое благоволеніе!»

*

— Разбитъ, изъѣденный пламенемъ, красный клятвенный камень!

Сатана собралъ черные куски и силою своего духа соединилъ ихъ и черный камень унесъ въ адъ-преисподнюю.

Еще не исполнилось время!
Еще три года Христу быть на землѣ.

Скрывъ въ аду черный камень, ждалъ Сатана послѣдняго часа: онъ соберетъ всю свою силу, побѣдитъ непобѣдимаго, истерзаетъ его въ его крестную муку и, истерзавъ, покроетъ черной каменной тьмою вселенную.

И была въ аду радость обольщеннаго мечтою властелина въ канунъ своей гибели.

ПЛАЧЪ АДАМА.

— — — —

гремитъ адъ громомъ,
буритъ бурею —
страшны удары, безстрашенъ:

— Моя власть и воля! —

огненныя стрѣлы летятъ отъ одеждъ —
громокъ, грозенъ, безстрашенъ.
Никто еще живьемъ войти не вхитрился,
а назадъ ходу нѣтъ:
ворота мѣдныя,
верея желѣзная,
замки каменные,
запоры крѣпкіе.
Крутъ и шатокъ мостъ черезъ Юдоль-рѣку,
черенъ путь на живой вѣкъ:
жаркія молоньи зарятъ въ ночи —
свѣтятъ Смерти: ведетъ она полки
на приволенъ-горекъ пиръ — —
слышенъ топотъ конскихъ ногъ:

— Моя власть и воля! —

Нужда, тѣснота, терпѣніе —
преисподній адъ.

— — — — —

И воззвалъ Адамъ, первозданный человѣкъ:
«Сестры и братья мои,
пошлемъ вѣсть ко владыкѣ Христу
со слезами на землю —
хочетъ ли насъ избавить отъ муки!»

Неутѣшны, унылы
пророки, праотцы
всѣ праведные:
кто же можетъ донести вѣсть?

«Други, воспоемъ пѣснями днесь,
отложимъ плачъ!»
— ударилъ Давидъ въ гусли —
«заутра пойдетъ отъ насъ Лазарь,
другъ Христовъ,
донесетъ до Христа вѣсть».

И услышалъ Адамъ, первозданный человѣкъ,
и началъ бить руками себя по лицу,
и былъ его голосъ яръ и тяжекъ:
«Повѣдай отъ меня владыкѣ,
свѣтлый другъ Христовъ, Лазарь:
скажи, вопіетъ къ Тебѣ, первозданный Адамъ!»

———

На то ли Ты, Господи, создалъ меня:
на короткій вѣкъ на землѣ быть
и много лѣтъ мучиться въ адѣ?
Того ли ради я землю наполнилъ,
о, владыко!
Вотъ внуки мои во тьмѣ сидятъ
на днѣ ада,
мучимы отъ сатаны,
и скорбью и тугой сердце тѣшатъ
и слезами очи и зеницы омываютъ
и памятью терзаемы
унылы!
Я на землѣ только краткій часъ
видѣлъ добро,
а въ этой мукѣ много лѣтъ
въ обидѣ!
Краткій часъ я былъ царь
всѣмъ тварямъ,
а теперь долгіе дни рабъ аду
и полонянникъ бѣсамъ.
На краткій часъ Твой свѣтъ видѣлъ,

а вотъ ужъ солнца Твоего давно не вижу
и Твоей не слышу вѣтрянной бури.
Господи, если я согрѣшилъ
больше всѣхъ человѣкъ,
по дѣламъ моимъ Ты и воздалъ мнѣ
эту муку —
не жалуюсь Господи!
Но горько мнѣ, Господи,
я по Твоему образу сотворенъ Тобой,
а дьяволъ унижаетъ меня,
по Твоему образу сотвореннаго Тобой,
мучитъ меня,
понукаетъ жестоко мной.
Господи, я Твою заповѣдь преступилъ,
а вотъ Авраамъ, другъ Твой —
Тебѣ ради хотѣлъ закласть сына Исаака,
и Ты сказалъ ему: «Тобою благословятся
всѣ колѣна земныя!» —
въ чемъ же его грѣхъ?
А онъ здѣсь, въ адѣ, мучится тяжко.
И Ной праведный —
Ты избавилъ его, Господи, отъ потопа —
или не избавишь его отъ ада?

— когда бы согрѣшили они, какъ я согрѣшилъ! —

А вотъ пророкъ Моисей,
а онъ, Господи, въ чемъ согрѣшилъ:
вѣдь, и онъ здѣсь съ нами, во тьмѣ адовѣ!
А Давидъ, Господи! —
Ты прославилъ его на землѣ,
далъ ему царствовать надъ многими,
и онъ составилъ псалтырь —
въ чемъ же его вина:
вѣдь и онъ здѣсь съ нами въ адѣ
и стонетъ и вздыхаетъ!

— и когда бы согрѣшили они, какъ я согрѣшилъ! —

А вотъ великій въ пророкахъ
Іоаннъ Креститель — Предтеча:
рожденъ по благовѣщанію ангела,
въ пустынѣ воспитавшійся,

ядый медъ дивій и отъ Ирода поруганный,
въ чемъ же, Господи, его вина?
Моего ли ради грѣха не хочешь
помиловать насъ
или своего часа ждешь?
Одинъ Ты знаешь —
нетерпѣливы мы.
Господи, приди къ намъ,
избавь отъ лихости,
не угаси послѣдняго свѣта!

— въ тайну Твою молюсь, Господи —

На мнѣ вина —
прости меня!
прости меня, Господи,
прости меня!

АНГЕЛЪ-ПРЕДТЕЧА

— — — — — — — — — — — — — — — — — —

— Вотъ уже триста лѣтъ ходитъ Іоаннъ по землѣ: кто ему откроетъ: — «можетъ ли Господь отнять у насъ то, что принадлежитъ намъ?»
— Вотъ уже триста лѣтъ Іоаннъ живетъ съ нами: у него шесть крыльевъ, и изъ всѣхъ онъ самый странный — —

Каждые триста лѣтъ демоны ныряютъ въ море. (Триста лѣтъ — срокъ человѣческому вѣку). Они ныряли посреди моря: одинъ выловитъ серебра, другой ухватитъ драгоцѣнные камни, третій перламутровую раковину —

— Господь даетъ души, по смерти всѣ идутъ къ намъ!

Одинъ Іоаннъ на берегу.

«Что ты здѣсь дѣлаешь одинъ на берегу? О чемъ ты все думаешь? Брось, ныряй съ нами: вѣкъ далъ намъ большую добычу!»

«А можетъ ли Господь отнять у насъ то, что принадлежитъ намъ?»

«Ни самого малаго камушка, ни этой песчинки, но когда Онъ воплотится...»

«Какъ же Онъ воплотится?»

«Не такъ, какъ рождаются люди».

«Онъ знаетъ?»

« — — однажды на днѣ этого моря я нашелъ песокъ: изъ этого песку Онъ сдѣлалъ землю; я далъ Ему грязи: дуновеніемъ Онъ создалъ изъ грязи человѣка. Я знаю: есть на днѣ моря лилія, она на самомъ днѣ — черезъ этотъ бѣлый цвѣтокъ Онъ можетъ воплотиться. Но про это никому не открыто».

Демонъ поднялся — за нимъ Іоаннъ.

И вмѣстѣ со всѣми Іоаннъ нырнулъ на дно моря. Всѣ демоны видѣли его на днѣ моря — на самой глубинѣ. Не серебра , не драгоцѣнные камни, не перломутровыхъ ракушекъ, лилію — бѣлый цвѣтокъ — взялъ Іоаннъ съ самого дня. Демоны

на днѣ — а Іоаннъ со цвѣткомъ надъ моремъ. И поднимается выше надъ моремъ:
«Господи, сдѣлай чудо — мнѣ дойти до Тебя?»
И вотъ море замерзло. Демоны за нимъ — а ледъ, какъ стекло. И стали они бить крыльями, биться о ледъ и вынырнули. И видятъ: Іоаннъ высоко надъ моремъ — полетѣли вдогонку, летятъ на-перекрестъ. И настигаютъ.
«Господи, достигну ль Тебя!»
И слышитъ: «вырви перо, брось на землю».
Іоаннъ вырвалъ перо изъ крыла и бросилъ. И всѣ демоны бросились внизъ за перомъ —

Іоаннъ подходитъ къ Господу и Господь
говоритъ ему:
«Что же ты узналъ?»
Іоаннъ подалъ бѣлый цвѣтокъ-лилію.
(Кровь, какъ слезы, изъ его глазъ):
«Пока не воплотится Онъ, не можетъ
Господь отнять у насъ то, что принадлежитъ намъ!»

Марію, дочь Іоакима и Анны, выбралъ Господь. Ангелъ нашелъ Анну на берегу моря и сказалъ:
«Иди въ Іерусалимъ, Господь тебѣ дастъ ребенка!»
И пошелъ въ горы искать Іоакима и сказалъ Іоакиму:
«Вернись въ свой домъ, Господь дастъ вамъ ребенка!»
Анна и Іоакимъ встрѣтились въ Іерусалимѣ. И у нихъ родилась дочь Марія.

Семь лѣтъ Марія ходила въ школу. На Благовѣщеніе сидитъ она въ классѣ и видитъ: подходитъ къ ней ангелъ со цвѣткомъ и говоритъ ей:
«Понюхай этотъ цвѣтокъ!»
« — — — »
«Понюхай же!»
Она его видитъ, а другіе не видятъ).«Да это невозможно».
«Лилія, — сказалъ ангелъ, — понюхай!»
«Какъ я могу понюхать: призракъ?»
Стояла подъ окномъ береза: ангелъ протянулъ руку — и упала береза. Марія повѣрила: понюхала цвѣтокъ — и задрожала.
«Ты родишь сына, — сказалъ ангелъ, — и назовутъ его Христосъ!»
И ангелъ исчезъ — ангелъ пошелъ къ Господу — —

На этомъ холмѣ
появилась Марія:
съ вершины склоняется —
возвеличимъ ее!
Богородица Дѣво радуйся!

Демоны говорятъ народу:
«Скоро родится царь!»
Звѣзда съ небесной высоты говоритъ царю:
«Скоро родится новый царь!»
«Какъ это возможно: родится новый царь? Наша вѣра теперь одна — у всѣхъ одна. Нельзя допустить, чтобы родился новый царь! Всѣхъ беременныхъ надо убить, чтобы не родился — этотъ другой царь».
«Какъ знаешь!» — и звѣзда закатилась.

Велитъ царь: «вездѣ, гдѣ есть беременныя, пусть всѣхъ убьютъ!»
А была такая стѣна — демоны построили ее — и всѣ беременныя проходили около стѣны и, когда онѣ проходили, стѣна ихъ сдавливала. Когда пришла очередь Маріи, стѣна разступилась и она прошла невредимо.
«Завтра придешь!» — кричали демоны.
Весь народъ собрался тамъ и говорятъ всѣ о томъ, что произойдетъ завтра. Одинъ демонъ, караульщикъ, «судакъ» — больше всѣхъ волновался — и «хорошо» звучало у него, какъ «порошокъ»; а кто слышалъ, подхватывали: «завтра ее въ порошокъ!»

Марія говоритъ Іосифу (при школѣ старикъ по милосердію не оставлялъ ее):
«Дѣдушка, отведи меня въ пещеру: у меня болитъ сердце!»
И ночью онъ ее повелъ. Пастухи около пещеры спали съ овцами, вдругъ просыпаются и видятъ: ангелы спустились надъ пещерой — они спускаются отъ Господа и подымаются — и вверхъ и внизъ. Пастухъ (поближе къ пещерѣ) всталъ посмотрѣть: онъ пошелъ — баранъ и собака пошли за нимъ. Заглянулъ онъ въ пещеру: тамъ — старикъ, женщина и ребенокъ, только что родился.
Мать говоритъ: «У насъ нѣтъ дровъ огонь развести».
Пастухъ взялъ свой посохъ, разрубилъ его и зажегъ костеръ: согрѣть ребенка — холодно, ночь! Пастухъ стоитъ — — и Младенецъ благословилъ его: за то, что согрѣлъ. Вернулся пастухъ къ овцамъ.
«Ну что? что тамъ такое?»
«Нищенка, — сказалъ пастухъ (блаженный пастухъ!), — ребенка родила».

Тогда звѣзда зажглась надъ стѣной, гдѣ ждалъ народъ, и сказала народу:
«Онъ родился, новый царь!»
Демоны кричатъ:
«Онъ родился! Такъ пусть вездѣ, гдѣ есть женщина съ новорожденнымъ, убить!»
И тогда бросились по улицамъ — въ ночь: и было умерщвлено три тысячи младенцевъ.
Но Его не нашли — никакихъ слѣдовъ.

И вотъ опять звѣзда говоритъ царю:
«Ему теперь три года!»
И тогда были убиты всѣ дѣти трехъ лѣтъ. Но Его не нашли.

— Господи, кто можетъ найти Тебя? —

Марія съ Сыномъ и Іосифъ бѣжали изъ Іерусалима и скитались по всей землѣ. Ангелъ сказалъ имъ: «идите въ Египетъ».
Они пошли въ Египетъ и тамъ мальчикъ выросъ, сдѣлался взрослымъ и сталъ Христомъ.

— Вотъ уже тридцать лѣтъ ходитъ Іоаннъ
по землѣ: кто ему откроетъ: — «Господи,
гдѣ я найду Тебя?»
— вотъ уже тридцать лѣтъ живетъ Іоаннъ
въ пустынѣ: у него шесть крыльевъ и изъ
всѣхъ онъ самый странный — —

И когда пришелъ Христосъ въ пустыню, Іоаннъ узналъ Его. Іоаннъ крестилъ Христа — крестный отецъ Христа. И демоны убили его.

Голову его на блюдѣ подали царевнѣ — она
пляшетъ — и острымъ проколола она глаза
ему: и изъ глазъ не кровь — вода и
огонь, какъ слезы.

Одинъ изъ учениковъ Іоанна Андрей пошелъ за Христомъ и брата своего Петра привелъ ко Христу. Поднявъ крестъ, Петръ пойдетъ въ Римъ, Андрей—на Русь.

АНГЕЛЪ-БЛАГОВѢСТНИКЪ

Кто тебя не ублажитъ, пресвятая Дѣва!
Ты заступница и утоленіе оскорбленнымъ,
ты утѣшеніе скорбнымъ,
ты радость скорбящимъ.

Захотѣла весь міръ защитить — — ! или
покинуть и никогда не вернуться въ свой вертоградъ:
въ мукѣ мучиться съ нами —
во тьмѣ вѣка, съ нами, въ нашемъ лютомъ мірѣ,
гдѣ болѣзни, печаль,
слезы и воздыханія,
клевета, память злая,
братоненавидѣніе,
съ нами, какъ мы, неутоленно любить
и безнадежно терять.

Радуйся, обрадованная,
Господь съ Тобою!

Надъ рукодѣльемъ за искусной работой у окна пречистая Дѣва окаймляла четверосвитный убрусъ: голубымъ чистымъ бисеромъ шила круги — квадраты — радугу — феникса — змѣя и голубя: знаки вѣчности — міра — милости — воскресенія — мудрости и непорочности. А на углахъ подъ крестомъ ставила по василиску: съ головой пѣтушиной и хвостомъ змѣинымъ — милуя Божію тварь, дивовище земное и преисподнее.

Сердцемъ — въ божественныхъ судьбахъ,
къ тайнамъ міра — умныя очи.
Неувядаемый цвѣтъ чистоты — пресвятая пречистая Дѣва
честнѣйшую херувимъ и славнѣйшая воистину серафимъ!

*

Въ тихій часъ въ тихой дѣвичьей горницѣ
метнулся огонекъ у лампадки —
и бѣлый бисеръ заалѣлъ на шелкахъ:

съ шумомъ вихря
съ небесныхъ круговъ
стaлъ
въ большомъ углу
ангелъ:
и были крылья его — двѣ зари полунощныхъ
а ликъ невмѣстимъ человѣку.
И пала ницъ на землю Дѣва Марія.

Радуйся, обрадованная,
Господь съ Тобою!

Подняла она очи къ небу —
и росный облакъ сошелъ
ей на лицо, кропя —
— — —
«Не бойся, Марія!»
— приблизился ангелъ, отеръ своей алою ризой —
«зачнешь Сына
«и тѣмъ міръ спасется,
«ты будешь спасеніе міру
«миръ тебѣ!
— — —
И огонь
изошелъ
изъ его устъ.

*

Сіяя, какъ солнце, махнулъ ангелъ десницей —
и вотъ явился хлѣбъ:
и взявъ хлѣбъ, ѣлъ самъ и далъ ей.

Махнулъ ангелъ лѣвой рукой —
и появилась чаша, полная вина:
и пилъ самъ и ей далъ пить.

И взглянувъ, увидѣла непорочная Дѣва,
земля благословенная:
цѣлъ былъ хлѣбъ
и чаша полна вина.

Радуйся, обрадованная,
Господь съ Тобою!

СТРАДЫ БОГОРОДИЦЫ

Когда сорвали съ Его плечъ царскую багряницу
и въ отрепьяхъ вывели на улицу —
и подъ свистъ и гикъ ожесточенной горемычной черни
погнали къ Лобному мѣсту,
было вѣдомо всей твари — небесной, земной и подземной:
зналъ лѣсъ — «хозяинъ» — гдѣ вился тернъ,
знало море — «велеша» — гдѣ росла губка,
знали звѣри — «зайцы» — и виноградный садъ,
и горы и долы и «огневики», сковавшіе гвозди и копіе,
и только не знала одна Богородица.

Ожесточаясь, кричала чернь о Его крови
— пречистая кровь каплями падала въ пыль дороги —
По пыльной дорогѣ шелъ Онъ въ терновомъ вѣнкѣ,
неся тяжелый крестъ.
Красный весенній день краснымъ солнцемъ освѣщалъ городъ
— сколько дѣлъ совершилось! —
а Богородица ничего не знала:
во всю долгую ночь не сомкнуть ей глазъ,
и лишь подъ утро, присѣвъ у окна, задремала.

*

Переполошился адъ,
обезумѣлъ.
Молоньей облетѣла вѣсть:
«Свѣтило и Солнце, Вѣнецъ и Слава міра,
Единородный Сынъ Божій — Сынъ человѣческій
плѣненъ!
и ведомъ на Голгофу!»
И обезумѣвъ,

гремѣлъ адъ — непроносная туча немилостивая!
ревѣлъ адъ — разъяренный левъ!
мычалъ адъ — бѣшеный быкъ!
стоналъ адъ — въ погоду море!
горѣлъ адъ — подстрѣленное оскорбленное сердце!
«Нескончаемому царству Христову
безконечному
конецъ!»
Завыли, завели темные бѣсы на радостяхъ
свой отчаянный плясъ — бѣсовскую неистовую «чихарду».
Бѣсъ объ одной курячьей ногѣ,
«претворенная тварь»
злой прихвостень Змiевъ,
подпрыгивалъ на своей куриной ногѣ
даже до высочайшихъ башенъ, ограждающихъ входы
въ суровое жилище гордостныхъ демоновъ — въ муку вѣчную.
И безкостные — съ вязигой вмѣсто кости:
наушники, прихвостни, фискалы и кляузники —
взгромоздясь другъ на друга, какъ въ игрѣ «мала-куча»,
пыхали смрадомъ и ѣдкою пылью, проникающей
сквозь адовы стѣны на землю.
И въ пыху отчаянной бѣсовской возни изумрудомъ переливался
демонскiй глазъ.
Изъ воска слепленный мостъ между адомъ и раемъ
Мостъ Испытанiй
(«мостъ мертвыхъ»),
проходитъ черезъ бурную смоляную рѣку, рухнулъ.
И охватило ненасытное адово пламя
бѣшеной Геенны небесные своды.
«Нескончаемому царству Христову
безконечному
конецъ!»

*

Устрашились архангелы, херувимы и серафимы —
всколебалась небесная сила: въ безсилiи закрыли ангелы
свои недремныя очи:
«Кто пойдетъ къ Богородицѣ,
кто передастъ ей печальную вѣсть?
кто возвѣститъ непреклонную волю
Вседержителя Бога, извѣчно осудившаго Сына?»

Святъ-Духъ
— утѣшитель огорченныхъ и опечаленныхъ —
не утѣшитъ ихъ!

Сказалъ Господь:
«Ты, Гавріилъ — вѣстникъ радости, будь же нынѣ вѣстникъ печали!»
И отвѣтилъ Гавріилъ:
«Какъ скажу я, возвѣстившій великую радость воплощенія Слова о горестномъ Его крестѣ?»
Сказалъ Господь:
«Ты, Михаилъ — грозныхъ силъ воевода, поразившій копьемъ своего большаго брата Сатанаила, ты, побѣдитель, возвѣсти — тебѣ легче принять скорбь!»
И отвѣтилъ Михаилъ:
«Рука моя побѣдила гордыню, но не смиреніе и скорбь: я силенъ противъ могучаго».
И сказалъ Господь:
«Ты, Рафаилъ, простирающій руку помощи на всякую тварь, ты заступникъ отъ лица Всемогущаго, иди и помоги предвѣчной волѣ: пусть узнаетъ о страданіяхъ Слова родившая Слово!»
И отвѣчалъ Рафаилъ:
«Я помощь Божія, я утѣшеніе страждущимъ: я ли повергну въ скорбь величайшую въ женахъ?»

Въ страхѣ и трепетѣ свивались бѣлыя крылья и огнедышащія — наливались слезами огнезрачныя очи:

«Лучше пусть бы Господь повелѣлъ
своимъ ангеламъ тихимъ, грознымъ
и милостивымъ вынуть душу
пресятой непорочной Дѣвы!»

Святъ-Духъ
— утѣшитель огорченныхъ и опечаленныхъ —
не утѣшитъ ихъ!

*

Не въ рѣчкѣ, не въ озерѣ, напившись на камушкѣ, всюду летая, носилась подъ облакомъ коноплянка-птичка. И по вѣтру донесло до нея — небесная жалоба!
Спустилась коноплянка на землю къ Богородицѣ: сѣла на окно —
крутя подсолнечной шейкой,
защебетала —

щебетала печальная

— — —

Подняла глаза Богородица —
Глаза, бѣлые отъ отчаянія, безвѣкіе
глянули на нее изъ темныхъ глазницъ:
Іуда Искаріотъ, ученикъ Христа, предавшій Учителя,
стоялъ подъ окномъ.
Поднялась Богородица — и опять опустилась на лавку.

— щебетала коноплянка печально, печальная птичка —

И пала на сердце тоска:
сердцемъ почуявъ, бросилась Богородица къ двери.
«Марія, гдѣ Сынъ твой?
— остановилъ у порога другой ученикъ Іоаннъ —
«Марія, гдѣ Господь и учитель нашъ?
А по улицѣ мимо дома — мимо оконъ вели Христа:
Онъ волею шелъ
на крестную смерть.

*

Кто поможетъ матери, потерявшей сына?
Кто ее укроетъ?
Кто охранитъ отъ темной ночи?
Къ кому она обратится?
— улетѣла, спугнутая гикомъ, птичка-коноплянка —
— слѣпились отъ горечи уста у любимаго ученика —
Кто ее утѣшитъ?

Одна Богородица,
она одна — стоптанная трава!
Ударилась она о землю —
(въ не-умѣ, едва жива)
и опять вскочила:
стономъ прорѣзалась грудь,
разсыпались волосы —
(кругомъ пошла голова)
помутилось въ глазахъ:
бросилась она на улицу — —
и увидѣла Сына.
Тяжелый крестъ давилъ Ему плечи, пригибались колѣни подъ ударами;
съ каждымъ шагомъ все ниже Онъ склонялся къ землѣ.

Простоволосая, съ тихимъ причитаніемъ,
шатаясь,
шла за Христомъ Богородица:
горькія слезы жгли ей глаза,
кровью обливалось сердце —
искало выхода, а не было надежды.
Не выдержавъ тяжести, Онъ упалъ — —
Симонъ Киринеянинъ выступилъ изъ толпы, поднялъ крестъ себѣ на плечи и понесъ.
Гикала чернь,
летѣли камни.
И подымался вихрь:
закручивалъ пыльной волной, сыпалъ пескомъ,
слѣпя глаза.

«Радуйся, царь Іудейскій!»

Насмѣхаясь, подталкивали:
и не слезы, кровь капала по Его щекамъ.
— Живого мѣста не было на Его измученномъ тѣлѣ! —

Кто поможетъ матери, у которой отняли сына?
Кто ее укроетъ?
Кто охранитъ отъ темной ночи?
Говорятъ ей: «вернись домой».
Кто укажетъ ей домъ?
Кто уйметъ ея горе?
Кто откликнется на стоны ея сердца?

*

Когда пригвоздили Его ко кресту, кровь лилась изъ Его ранъ —
и земля обагрилась.
Неутѣшна стояла у креста Богородица
и съ ней любимый ученикъ Іоаннъ.
Видѣла она всю Его муку — и ничѣмъ не могла облегчить:
пить просилъ Онъ — изнывало сердце — а она не могла напоить Его —
(боялась отойти отъ креста).

И помрачилось небо
— клубясь тучились непроносныя тучи —
темень-темная

— наливаясь грозой отъ края до края —
нависала надъ городомъ,
и сыпались искры изъ-за облачныхъ раскаленныхъ печей.

Ликъ Христа искажался: побѣлѣло лицо, слеглись волосы.
«Боже, Боже мой, зачѣмъ Ты
воздвигнулъ меня!»
И голова упала
на грудь.
— —
—

На другомъ концѣ Іерусалима, въ саду Магдалининомъ,
склонившись низко къ землѣ, висѣлъ на своемъ кожаномъ поясѣ
ученикъ, предавшій Учителя: Іуда —
глаза, бѣлые отъ отчаянія, безвѣкіе
глядѣли изъ темныхъ глазницъ въ тяжелую землю,
и ротъ его былъ полонъ земли.

*

«Горе мнѣ среди всѣхъ матерей!
Увы мнѣ среди всѣхъ тварей земныхъ!»
— разсѣклось сердце несчастной матери —
тая
— красныя уголья! —
сердце горѣло жаромъ.
Надъ крестомъ вился воронъ,
смолой воронье перо кипѣло и горѣли свѣчи —
непреклонныя вѣщія очи.

Глухо и грустно говорила Богородица:
« — — или, бездольный, Ты родился въ сиротинскую ночь?
— — безсмертный, воскрешалъ мертвыхъ! вижу:
непосульница-смерть взяла и Тебя! — —
о, мой сынъ прелюбимый! и за кого Ты муку терпишь?
за кого смерть принимаешь? — —
къ дереву прибиты руки, кровью запеклись уста —
языкъ Твой нѣмъ!»
Поднялъ Христосъ голову:
«Не рыдай мене, мати, не оплакивай! Душа исходитъ —
хочу предать духъ мой Отцу. Вотъ ученикъ —

будь ему матерью, онъ будетъ твоимъ сыномъ.»
Съ горечью Богородица:
«Промѣняю ли создателя на созданіе —
творца на тварь? И куда уходишь?
И какъ мнѣ жить безъ Тебя? На кого оставляешь —
одна! — скорбѣю — дай и мнѣ умереть!
возьми съ собой! — скорбѣю — »

Бѣлая береза —
склонилась Богородица у креста на камень,
умоляла-упрашивала:
«помереть бы!»
Не могла она видѣть ни людей, ни бѣлаго свѣта,
не хотѣла подняться.

—

— разсѣклось сердце несчастной матери —
тая
— красныя уголья —
сердце горѣло жаромъ:
«Горе мнѣ среди всѣхъ матерей!
Увы мнѣ среди всѣхъ тварей земныхъ!»

*

Три часа прошло, какъ распяли Его на крестѣ жестокимъ распятіемъ.
Три часа висѣлъ Онъ, создавшій землю,
надъ своей отъ вѣка трудной землей.
Вопли и стоны —
и тѣ, что потрясали вѣка,
и тѣ, что въ грядущихъ вѣкахъ отравятъ всякое счастье,
вся скорбь и все горе
униженныхъ, покинутыхъ, гонимыхъ и обойденныхъ,
вся бѣда, какая была въ мірѣ,
вся бѣда, какая придетъ на землю,
вся бѣда до послѣдняго дня
собралась вокругъ креста и, наполнивъ сердце,
жгла
мучила послѣднею мукою.
И вотъ воззвалъ Онъ къ Отцу —
и померкло въ глазахъ.

*

Бѣлый свѣтъ почернѣлъ — помертвѣло солнце.
Проглянули звѣзды: въ чернотѣ — изумруды! — дрожали.
И съ шумомъ померкли. И мѣсяцъ печально растаялъ.

— — — —

земля потряхнулась!
Всколебались моря, озера и рѣки; залелѣяло въ полѣ траву; зашумѣла дубрава; пригнулся лѣсъ; посыпались съ яблонь цвѣты; съ березокъ сережки; поломалось сухое пенье.

Крестомъ распростертся
— головня среди поля! —
лежала Матерь Божія у креста.

Мертвецы поднялись изъ могилъ — съ кладбищъ побрели отъ заставъ въ городъ; на площадяхъ и перекресткахъ смѣшались съ живыми. Холодомъ повѣяло — сталъ морозъ. И во тьмѣ летало, шипѣло ужасно — вѣтеръ дикой волной ходилъ. Стукъ стоялъ —ковали желѣзо!—стонало, плакало—огненныя стрѣлы плыли по небу — и воздухъ порола ненасытная плеть —

— — — —

съ-краю-на-край пошатнулся храмъ —
разорвалась завѣса — распались камни —

И вся тварь возстонала —
звѣри, птицы, поля, лѣса и болота,
травы, кусты, вода, камни и звѣри
вся тварь возстонала
— восплакалась Матерь Божія-Богородица —
«Господи, прости имъ:
не знали они, чего дѣлали!»

СТРАСТИ ГОСПОДНИ

На Голгофѣ — на эдемской могилѣ Адама
водрузили древо Познанія
и пуста голова — первая человѣчья кость
легла въ основаніе подъ крестъ Сына человѣческаго.

Посѣянное рукой Сатанаила — когда Богъ насаждалъ рай на землѣ,
открывшее человѣку глаза на добро-и-зло въ грѣхопаденіи,
увѣнчавшее вѣткой мертвое чело Адама,
выросло древо Познанія древомъ Спасенія —
Крестомъ Спасителя.

Распяли Его на крестѣ леванитовомъ,
прибивали по пятамъ и ладонямъ гвоздями желѣзными,
одѣвали въ рубашку зеленую изъ жигучей крапивы,
опоясывали поясомъ изъ боярышника,
перевязывали хмелемъ и ожиною,
забивали подъ ногти иву (согрѣшившее дерево!)
а на голову клали вѣнокъ изъ шиповъ и терніевъ.
Гдѣ гвозди вбивали — тамъ текла кровь,
гдѣ вязали поясомъ — тамъ лился потъ,
гдѣ клали вѣнокъ — тамъ капали кровавыя слезы:
— вино — муро — пшеница!

Несмѣтныя полчища демоновъ собирались съ полдня и полночи, съ востока и запада на Палачъ-гору голгофскую ко Христу распятому.
Бѣлый — бѣлый снѣгъ! — таялъ мѣсяцъ
и въ слезахъ, омраченное, закрывалось солнце.
И была тьма по всей землѣ отъ шестого часа до девятаго.

Искривленными кровавыми очами смотрѣли демоны въ измученный ликъ Христа: держали въ рукахъ огромные свитки — хартіи, исписанныя грѣхомъ человѣческимъ

отъ перваго дня и до послѣдняго,
и отвивали ихъ — и конца имъ не было:
— не было конца грѣху человѣческому —

— Восхотѣлъ Онъ весь грѣхъ взять на себя! —

На тяжкія кровавыя преступленія явились со всѣхъ концовъ немилосердные ангелы: лица искаженныя отъ ярости, зубы выше рта, глаза, какъ звѣзды, изъ устъ пламя.
Это — ангелы приходятъ за душой грѣшныхъ людей вести ихъ на муку.
Этихъ ангеловъ была тьма темъ, ибо грѣхи были неисчислимые —
отъ начала міра и до конца:

— Восхотѣлъ Онъ весь грѣхъ взять на себя! —

Разбойники, распятые со Христомъ,
не вынося крестной муки и не чая спасенія,
поносили Его, какъ обманщика.

И у подножія, у залитой кровью головы Адама,
гремѣло оружіе: мытарскіе мечи, ножи, серпы, стрѣлы, сѣчива:
немилосердные ангелы расторгали составы изможденнаго тѣла —
отсѣкали ноги, потомъ руки и, ожививъ, опять пригвождали,
выдергивали маковые листочки съ подсыхающихъ ранъ —
а демоны соленымъ языкомъ облизывали раны —

Одинъ гуселапый
безшерстной свиньей поднялся къ самому лику —
и, поднеся чашу полную горести, далъ Ему пить.
И выпивъ чашу до дна, возопилъ Христосъ громкимъ голосомъ:
«Боже мой, Боже мой!
для чего Ты оставилъ меня?»
Тогда отъ облакъ сѣверныхъ на зовъ покинутаго
— принявшаго грѣхи міра —
поднялся съ престола въ девятый часъ Сатанаилъ:
и соколъ — кологривая молнія — умчала его ко кресту
Сына Божьяго

Сталъ Сатанаилъ передъ крестомъ и смотрѣлъ
на Христа
и съ креста, поднявъ тяжелыя вѣки, смотрѣлъ Христосъ
на Сатанаила.

Другъ противъ друга — перекрещивались глаза ихъ:
царь и рабъ,
братъ и врагъ,
царь и царь,
братъ и братъ,
врагъ и врагъ,
спаситель и покинутый.

И вся поднебесная повергнулась ницъ въ этотъ грозный часъ.
А она — скорая
шла отъ синяго-моря, отъ земли незнаемой,
по полю-зеленой травѣ, по бродучему слѣду,
по зяблымъ овсамъ черезъ ржаныя нивы
молодая жена — смерть прекрасная.
Не просилась — потихоньку раздвинула желѣзную тынь,
не оступилась — взошла на Палачъ-гору голгофскую
ко Христу распятому,
обняла Его голову —

И, преклонивъ голову,
Іисусъ предалъ духъ.

Сворохнувшись, взвихнули вихри-орлы,
помахомъ подняли прахъ по путямъ:
затряслись горы, заметались глубины,
оболелѣялись волны водъ, улились изливы
— не уходиться — не уполошатся! —
и небеса, свившись какъ свитокъ, прорѣзались пламенемъ
и, всколыбнувшись, горѣла земля —

«Помяни мя, Господи,
егда пріидеши во царствіе Твое!»

*

Когда замерли послѣдніе человѣчьи шаги и воины, перебившіе голени у распятыхъ разбойниковъ, покинули Голгофу, а мертвые, возставшіе изъ гробовъ, разбрелись по улицамъ въ ночь — гоготъ, громъ, стукъ, скокъ, сваръ потрясли міръ неистовствомъ и садъ Аримафейскій обратился въ бездну безднъ, ибо самъ Сатанаилъ пребывалъ въ немъ. Демонской силой онъ отвелъ глаза человѣкамъ и всей подлунной — погрузилъ душу въ бѣсовскій сонъ: и темный вѣщій сонъ сковалъ вселенную видѣніями и соблазномъ.

*

— — вскинулись, взбросились бѣсы — совлекли со Христа плащеницу, раздѣлили пречистое тѣло:

плоть — землѣ,
кровь — огню,
кости — камню,
дыханіе — вѣтру,
глаза — цвѣтамъ,
жилы — травѣ,
помыслы — облакамъ,
потъ — росѣ,
слезы — соленому морю.

И, развѣявъ благовонныя масти, растлили — —
Звучало, бучило злое море демоновъ,
кишѣли, тѣшились
ехидные, свирѣпые
— сила несмѣтная изъ темныхъ ямъ! —
шелудяки, поползни, боробрюпци, горбоногіе,
топча и лягая.

И вотъ въ полночь съ шумомъ открылось все небо
и воспылало надъ землей ярое солнце, какого никогда не бывало.

Выволокли демоны тѣло Христово изъ новаго гроба, и убравъ въ дорогія царскія одежды, вознесли на высочайшую гору на престолъ славы. И тамъ, на вершинѣ у подножія престола сталъ Сатанаилъ и, указуя народамъ подлунной — всѣмъ бывшимъ и грядущимъ въ вѣкахъ — на трупъ въ царской одеждѣ, возвѣстилъ громомъ: «Се царь вашъ!»

А съ престола на метущіяся волны головъ и простертыя руки смотрѣли оловянныя очи мертвеца. И въ яркомъ свѣтѣ — въ этотъ внезапный ясный день — евидно было: какъ распадались составы и подъ одеждой колебалось затхнувше мясо. И вмѣсто отвѣта на мольбы и вопли лебедями гоготала забродившая гниль раздувшейся утробы.

Отчаяніе стягивало пространства,
и казалось: мѣра землѣ — четыре шага!

Изъ страны въ страну — изъ земли въ землю, выметывая раздолья, сквозь поля и луга по городамъ, прорѣзая толпы всѣхъ временъ и народовъ и царствъ, неслась колесница: оскаленный скелетъ въ терновомъ вѣнкѣ: «Се царь вашъ!»

И замглились свѣтлыя одежды народовъ,
смѣхъ перелился въ плачъ,

падали люди, умирая другъ съ другомъ,
и охватившись братъ съ братомъ,
и дитя умирало на колѣняхъ матери,
и мать охватившись съ дочерью.
Отъ крика и стенанія погнулась земля,
разсѣлись неплодные камни,
разверзались великія пропасти
и восплакалось море и рѣки
и вся глубина и преисподняя.

Тогда высоко, въ удольномъ мѣстѣ, надъ ярымъ солнцемъ въ яркихъ лучахъ послѣднимъ обѣтованіемъ возникъ на небеси крестъ и на кретсѣ пригвожденъ истерзанный Спаситель. Возсѣдая на крыльяхъ вѣтряныхъ, Сатанаилъ дунулъ въ крестъ: «Се царь вашъ!» — и крестъ обратился въ прахъ.

И не оставалось вольнаго воздуху,
иясякли источники,
деревья отъ смрада сбросили листья,
солнце померкло
и злоба изъѣла земную кору.

Такъ двѣ ночи безумствовалъ Сатанаилъ, вселяясь на сердца — на тайныя, зажигая мятежъ, отравляя сердца отчаяніемъ.

*

Жестокій сумракъ безлунный безмолвіемъ облекъ городъ;
мертвые бродили по дворамъ, стучались въ двери,
и, какъ въ дни мора, люди не смѣли выходить изъ домовъ,
а на безлюдныхъ улицахъ являлись всадники: лицъ ихъ
не было видно и кони ихъ не были видны, лишь мелькали
копыта коней.
А по чумному безлюдью съ пустынной Голгофы
отъ Креста разносился по міру плачъ
Богородицы —
звѣзда-надзвѣздная!
И до разсвѣта третьяго дня, какъ встать зарѣ и
взойти воскресшему солнцу, на Палачъ-горѣ голгофской,
поклонивъ ко кресту голову, не отходила отъ креста
· неумолимая
смерть
—
— жизнь вѣчная —
даръ на спасеніе.

АНГЕЛЪ-МСТИТЕЛЬ

Среди поля на Голгофѣ пригвожденъ къ кресту
— на крестѣ руки простеръ, окровавилъ персты —
на честномъ крестѣ посреди земли висѣлъ Христосъ,
совоздвизая четвероконечный міръ
— созданіе своихъ божественныхъ рукъ —
въ высоту,
въ широту,
въ долготу,
въ глубину.
Ангелы сходили и восходили съ небесъ,
собирались въ единъ соборъ,
силы небесныя кланялись вольнымъ страстямъ Его.

— *Слава долготерпѣнію Твоему, Господи!* —

Силы небесныя — всѣ девять чиновъ:
ангелы,
архангелы,
начала,
власти,
силы,
господствія,
престолы,
херувимы,
серафимы,
отъ неба небесъ — престола славы — лѣствицей
сходя и восходя,
предстояли Ему.

И мертвые, возставъ изъ гробовъ,
съ мертвеннаго ложа притекали къ кресту,
кланялись спасительнымъ страстямъ Его.

— Слава долготерпѣнію Твоему, Господи! —

Разбойники, распятые со Христомъ, два разбойника:
Сафетъ и Ѳемехъ,
отрепетны крестною мукой, погибали въ смертной
тупой тяготѣ: гасли помыслы, отымался издробленъ-
повинный умъ, горькая тьма ослѣпляла вещныя,
въ боли очадѣлыя, очи, а умныя — исходили въ тоскѣ:

«Милостиве Господи,
помилуй мя, падшаго!»

Крестообразно руки простирая къ Сыну
— распростершему руки на крестномъ древѣ —
ко кресту припикла
Богородица:
скорбное оружіе пронзило ей сердце
— крещенное слезнымъ крещеніемъ все ея сердце растерзано —
и слезы, излившись, престали:

«Царю небесный,
Сыну мой!»

Три звѣзды
— три свѣчи Божія —
мерцали изъ тьмы отъ Дѣвы Маріи,
непостижимо, несвѣдомо
родшей невмѣстимаго,
свѣтъ и спасеніе міру.

— Слава долготерпѣнію Твоему Господи! —

*

На востокѣ солнца раскрылось двѣнадцать небесныхъ вратъ
и другія двѣнадцать вратъ на западѣ
и двѣнадцать вратъ на морѣ.
И по всѣмъ путямъ отъ нижнихъ и горнихъ обителей
собирались въ единъ соборъ
ко кресту
силы небесныя.

И во мгновенье два ангела подвели подъ руки старца
— былъ онъ ветхъ и великъ —
Адамъ первозданный.
И стали у креста передъ лицомъ Господнимъ.

Наклонивъ голову
— да преклонятся всѣ народы и облегчится грѣхъ вѣрующихъ !—
висѣлъ Христосъ на крестѣ,
напоенный горькой желчью.
Единый сущъ
безъ конца,
безъ начала
сый.

И былъ Адаму гласъ со креста:
«Азъ тебѣ ради и твоихъ чадъ съ небеси на землю снидохъ,
Азъ тебѣ ради и твоихъ чадъ на крестъ взошелъ, пригвожденъ ко кресту,
нынѣ разрѣшаю отъ клятвы, прощаю твой грѣхъ».

И вздохнулъ Адамъ:
«Тако изволилъ еси — тако изволилъ еси — Господи — Боже мой!»

Ангелы, силы небесныя, величая передъ Адамомъ Христа
— кровью искупившаго первородное проклятіе —
«миновались темныя ночи,
пропали печали!»

ангелы восходили на небеса со страхомъ и радостью
до неба небесъ къ престолу славы Отца небеснаго.

— *Слава долготерпѣнію Твоему, Господи!* —

И одинъ среди ангеловъ — въ кругу ангеловъ — вятшій паче всѣхъ,
прекрасенъ видѣніемъ стоялъ передъ крестомъ ангелъ:
одинъ недвиженъ,
одинъ безмолвенъ:
«Какъ! Сынъ Божій, Сынъ возлюбленный! любимый братъ! Христосъ,
Царь небесный виситъ на крестѣ! И мучится, обагренъ съ головы
до ногъ, и нѣтъ ни откуда защиты; покинутъ; неповинный,
виситъ на крестѣ!»
Не видѣлъ никого — только Христа,
только на Христа смотрѣлъ ангелъ —
не могъ примириться:

пальцы его были крѣпко съ тоскою сжаты
и дымы — синія кольца благовонныхъ кадильницъ —
обручая пальцы, вывивались межъ острыхъ суставовъ;
копье блѣднѣло въ рукѣ на дымящемся древкѣ;
бурныя крылья — синія молоньи — грозно орлили —
недвиженъ,
безмолвенъ
не могъ, не хотѣлъ онъ видѣть Христа на крестѣ.

Силы небесныя — недоумѣнно зря другъ на друга — молили ангела:
«взойди на небо къ престолу славы, прославь Сына передъ Отцомъ небеснымъ!»

Безстрастенъ къ мольбѣ не слушалъ ангелъ, не хотѣлъ слышать
— «взойти на небеса къ престолу славы!» —
горѣло сердце — единая мысль возгоралась изъ горящаго сердца:
«Одинъ онъ можетъ и готовъ стать на защиту — онъ можетъ смирить грады, веси, поля, холмы, дубравы, онъ погубить весь міръ — разорить вѣнецъ солнца! — за крестъ и страсти».
Одинъ недвиженъ,
одинъ безмолвенъ
горѣлъ передъ крестомъ въ кругу ангеловъ грозный ангелъ,
вятшій паче всѣхъ—всѣхъ недруговъ побѣдитель—архистратигъ
Михаилъ

— Слава долготерпѣнію, слава силѣ Твоей, Господи! —

Бѣлоснѣжной кипящей быстриной восходили ангелы, славословя,
отъ креста за звѣздный кругъ къ престолу.
И былъ тихій перезвонъ въ небесахъ, говоръ, столповое пѣніе.

И повелѣлъ Христосъ ангелу взойти на небо — оставить крестъ:
«Исполни законъ!»
Но вѣренъ, ангелъ стоялъ передъ крестомъ:
«Господи, Ты видишь:
не могу стерпѣть распятія Твоего».
И во-вторые повелѣлъ Господь ангелу отойти отъ креста:
«Исполни законъ!»
И не двинулся ангелъ: крѣпко, непреклонно, вѣренъ:
«Господи, какъ я пойду?»

И въ третій разъ былъ голосъ съ креста — отклонявшій — повелѣвая ангелу взойти на небо:

«Исполни законъ!»

— — —

И тѳ́роки — слухи Духа — дрогнули на блѣдномъ челѣ, трепетенъ, ангелъ сдѣлалъ шагъ отъ креста и вдругъ сталъ — —

обернулся:

черныя тѳ́роки вьюнились на его блѣдномъ челѣ, бурныя крылья орлили,

очи синѣли — грозная деберь:

— видѣть муку, имѣть власть остановить —

— и не смѣть! —

«Не требуй, Господи, не требуй! Видишь — мое горящее сердце! Знаешь — моя любовь: ей нѣтъ грани, ей нѣтъ запрета, ей нѣтъ закона.

И на что мнѣ власть, если запрещаешь прекратить Твою мукуу Не преступлю Твой азконъ, Твое слово, Твою волю, но не мог? угасить

моей любви».

А пламень любви былъ такъ великъ, а скорбь такъ остра и страда такъ безмѣрна — всѣ мысли, всѣ стези сердца пылали! — ангелъ разжалъ пальцы — —

и пламя
вышло
изъ его
рукъ
—

И было пламя такъ сине-жарко, живо и огонь плящъ и горючъ: взлысился мракъ, сдвинулись семь поясовъ небесныхъ, пошатнулись земные; съ шумомъ ужасныхъ четверопастныхъ горестныхъ трубъ изъ четырехъ мѣдныхъ вѣтрій пыхнули четыре заглушные вѣтра, возшумѣли съ востока и запада, съ юга и сѣвера —

— кто имъ укажетъ путь? куда имъ дѣваться? не могутъ стать! для нихъ нѣтъ ужъ покоя! —

избезумились, вздыбили море, хотя потопить землю, заколебали столпы преисподніе.

И среди грохота, вопля и скрежета
еще острѣе врѣзалась скорбь,
и гнѣвъ сталъ безысходнѣе:
и ангелъ

бросилъ копье

— —

—

— тамъ стоялъ страхъ, клевета и обида, вопіяла утрата, билось безсильно оскорбленное сердце, гнела безполезная жалость, глохла защита —

—

зазубривъ тьму,
молніей
ударило копье въ храмъ:
прорѣзало куполъ —
расшибло сѣнь —

— —

И на-двое — сверху и донизу — разодралась
капетазма:
на двѣ части разодралъ ангелъ завѣсу
во свидѣтельство сынамъ человѣческимъ
о крестѣ.

*

И въ тотъ часъ воззвалъ Христосъ, благословляя Отца, и предалъ духъ —
Единородный Сынъ
Великаго Свѣта Ангелъ
Слово Божіе,
смертью на смерть наступивъ.

АНГЕЛЪ-ПОГИБЕЛЬНЫЙ

По воскресенiи изъ мертвыхъ, отложивъ плотское тѣло, являлся Христосъ своимъ ученикамъ. Апостолы: Петръ, Андрей, Iоаннъ, Варѳоломей пребывали съ Богородицей, утѣшая ее. И когда были они всѣ вмѣстѣ, сталъ посреди нихъ Христосъ и сказалъ:

«Миръ вамъ! Вопрошайте меня, я научу васъ. Семь дней пройдетъ и я взыду къ Отцу моему».

И никто не рѣшается. И покорно слѣдуютъ за Нимъ — по божественнымъ стопамъ Его — на гору Елеонскую. По пути приступилъ апостолъ Петръ къ Богородицѣ: пусть попроситъ она Сына своего — «и явитъ Господь вся, иже суть на небесахъ». Богородица не захотѣла испытывать. И молча идутъ за Христомъ.

Когда взошли они на гору Елеонскую, и сидятъ вмѣстѣ и посреди нихъ Христосъ, Варѳоломей обратился къ Христу:

«Господи, покажи намъ дьявола и увидимъ, кто онъ есть такой и что дѣло его. Тебя не постыдился — Тебя пригвоздилъ ко кресту».

«О, смѣлое сердце, — сказалъ Христосъ, — ты не можешь его видѣть».

Варѳоломей припалъ къ ногамъ Спасителя, упрашиваетъ:

«Неугасимый свѣтильникъ! вѣчнаго свѣта спасенiе! Ты пришелъ въ мiръ отчимъ словомъ; Ты совершилъ дѣло свое: скорбь Адамову обратилъ въ веселiе, Еввину печаль въ радость — Испони!»

И сказалъ Господь Варѳоломею:

«Хочешь видѣть дьвола — увидишь его. Но говорю тебѣ: и ты и апостолы и Богородица ницъ падете, какъ мертвые».

И всѣ приступили:

«Господи, сдѣлай! Господи, покажи его!»

И вотъ по слову Господню предстали ангелы съ запада: воздвигли землю, какъ свитокъ, и явилась бездна — пропастная глубина. И запретивъ ангеламъ дольнимъ, повелѣлъ Христосъ протрубить Михаилу. И вострубилъ архистратигъ. И въ тотъ часъ изведенъ былъ изъ бездны ангелъ погибельный — Сатанаилъ.

— Вольный гоголю, старѣйшина небесныхъ силъ,
низверженный за разгордѣніе, гдѣ твоя воля,
гдѣ вѣнецъ власти? твой небесный престолъ?

Шестьсотъ шестьдесятъ ангеловъ держали его, вѣстника зла, творца мечты — связанъ огненными веригами — а высота его шестьсотъ локтей, лицо — молонья! волосы — стрѣлы! вѣжды — дикій вепрь! правое око — утренняя звѣзда! лѣвое око — левъ! а уста — пропасть! а персты — серпы! крылья — горящій пурпуръ, риза — кровь, и на лицѣ его пишетъ вражья печать и погибельная — —

«Азъ есмь Господь Богъ!»
— воззвалъ Сатана —

И былъ великій трусъ — земля затряслась. И въ ужасѣ поверглись апостолы и Богородица на землю.

ВОПЛОЩЕНІЕ

Бурнымъ духомъ въ вышнее небо
— съ тихой сладимой рѣки —
взлетѣла душа къ престолу Господню:

«Господи Боже, благослови меня, царь милосердый, въ тѣло облечься!»
— взмолилась душа къ Господу Богу —

Горѣлъ семигранный вѣнецъ на престолѣ,расцвѣтала звѣздами гора-цвѣтъ.
Благословилъ Богъ душу:
поставилъ на путь.
Благословилъ Богъ душу:
на землю вернуться.
Благословилъ Богъ душу:
человѣкомъ на землѣ въ человѣкахъ родиться.

*

Бурнымъ духомъ съ превышнихъ высотъ
стремилась душа по небесному кругу.
Замираетъ отъ радости сердце
— тамъ Божьи органы играютъ на сердцѣ —
«Скоро встрѣтитъ она кого полюбила однажды, любила и горько разсталась:
теперь ей будетъ легко и нетрудно на трудной и милой землѣ!»
Полныя радости очи свѣтились —
свѣтили небѣльмными взорами
путь по небесному кругу.

И растворилась въ пути по небесному кругу по бездорожнымъ дорогамъ
Живая книга
судъ Господень — судьба ея жизни:
дни за днями — цѣпи — потянулись отъ колыбели и до могилы.

Какимъ холодомъ, жутью — жесткое слово! — обидой сдавило ей сердце:
сколько дней беззащитныхъ — дней безпокровныхъ,
тревогъ и бѣды и пропастей, ожиданій напрасныхъ
тщетной надежды, безвиннаго терпѣнья, непоправимой и горькой потери,
а сколько разъ въ своихъ дняхъ постылыхъ уйдетъ она отъ воротъ
со слезами: будетъ звать — не отвѣтятъ, просить — не помогутъ.

«Гдѣ рай твой прекрасный — пресвѣтлый день?»
«Гдѣ же твой ангелъ, спутникъ благой?»
— какъ звѣзды въ ночи, то загораясь, то тая, сходились, горкуя, во святой кругъ
бѣлыя птицы — послы Господни —
«Гдѣ же мой ангелъ? Или на небѣ и на землѣ —
въ цѣломъ мірѣ! — нѣтъ ни души — никому нѣтъ дѣла!
такъ жалко кончаю безполезные дни?»
— и запечатались страдно, зноемъ опаленныя, холодомъ омерзлыя уста —
«Гдѣ рай твой прекрасный — пресвѣтлый день?»
«Гдѣ же твой ангелъ, спутникъ благой?»
— какъ звѣзды въ ночи, то загораясь, то тая, вьются, горкуя, во святомъ кругу
бѣлыя птицы — послы Господни
крыло-въ-крыло вьются.

*

Бурнымъ духомъ летѣла душа
отъ судебъ-страны пророчныхъ трубъ на пречистое снѣго-бѣлое знамя
къ Богородицѣ:
премудрыя дѣвы радостно встрѣтили душу — кротко стояли онѣ со свѣчами
вкругъ Царицы Силы Небесной

«Матерь Божія! сердце во мнѣ унываетъ: не хочу я на землю!»
— наплаканы очи смотрѣли на родимую Матерь, слезно, скорбно, сердечно просили

родимую Матерь —
«Странникъ, не плачь!»
Духомъ святымъ уряжая, взяла Богородица свѣчку,
вложила свѣчку въ сердце
въ сердце —
въ кручинную душу

— —

«Терпи скорби съ любовью, милый мой странникъ!»

— —

— и загорѣлась въ сердцѣ жаркая свѣчка —
Премудрыя дѣвы стояли со свѣчами,
«Христосъ воскресъ» запѣли, съ крестомъ поклонились.

*

Бурнымъ духомъ съ превышнихъ высотъ
летѣла душа черезъ святые небесные круги — черезъ бѣлыя зори —
черезъ Втай-рѣку — заповѣдное отъ всего темнаго міра —
съ небеснаго царствія по Божьей стезѣ
въ міръ
на землицу сырую.

Странникъ прохожій — братъ мой несчастный — сестра моя горькая,
будемъ жить по-любовно, согласно, въ этомъ несвѣдомомъ мірѣ
на родимой землѣ!

МѢСЯЦЪ И ЗВѢЗДЫ

Ты видишь тѣ зеленые луга — зеленые съ бѣлыми цвѣтами? —
не по себѣ бѣлѣютъ луга — бѣлѣютъ отъ чистыхъ ризъ Господнихъ.

По весеннему полю, въ потаенный часъ вечера, шелъ Христосъ и съ Нимъ тростинка-дѣвочка Марія Египетская. Поспѣшала дѣвочка, цѣплялась пальцами за чистыя ризы, засматривала вечеровыми глазками въ глаза Спасителя. Допрашивала-пытала у Господа Бога:

«Господи милостивый, отчего это мѣсяцъ такой и сверкаютъ звѣзды?»

«Непонятная ты, недогадливая дѣвочка, хочешь испытать меня! А какъ былъ я маленькимъ, сосалъ себѣ палецъ: съ сосуномъ и спать укладывался. Отучала меня Богородица, а я знай сосу. Вотъ и говоритъ она мнѣ: «не будешь трогать пальчика, сотку тебѣ къ празднику серебряную рубашку». Бросилъ я палецъ, прыгаю отъ радости: будетъ у меня къ празднику серебряная рубашка! Торными дорогами пошла Богородица на зеленую тропку къ вратамъ рая — тамъ стоитъ цвѣтъ солнца, творя судъ надъ цвѣтами — и стала прясть серебряныя нити. Откуда-ни-возьмись налетѣли соколы — похитили серебряную пряжу. Позвала Богородица Крестителя: Креститель разыщетъ сокольное гнѣздо, а соколятъ возьметъ себѣ. Полетѣлъ Креститель искать пропажу, да не долго леталъ, вернулся: «не могу, — говоритъ, — я это сдѣлать: унесли соколы серебряную пряжу высоко подъ небеса, свили гнѣздо — бѣлый мѣсяцъ, а соколятъ негдѣ взять — однѣ дробныя звѣзды». Вотъ отчего мѣсяцъ такой и сверкаютъ звѣзды».

«Господи, дай мнѣ одну серебряную нитку!» — пристала тростинка-дѣвочка и тянетъ за ризу, засматриваетъ вечеровыми глазками въ глаза Спасителя.

«А зачѣмъ тебѣ серебряная нитка?»

«А я въ коску вплету».

И подумавъ, прорицая судьбу святой, сказалъ Господь:

«Будетъ тебѣ серебряная нитка».

Ты видишь тѣ сѣрыя горы — не по себѣ онѣ сѣры, сѣры отъ дѣлъ человѣческихъ: тамъ ангелы, приставленные къ людямъ, столпились на западѣ — такъ и всякій день по захожденіи солнца идутъ они къ Богу на поклоненіе, несутъ дѣла людей, совершенныя отъ утра до вечера, злыя и добрыя.

РОЖДЕСТВО

Въ ночь, какъ родиться Христу, ѣхала Богородица съ Іосифомъ въ городъ Виѳлеемъ. Вотъ дорогой словно стало что:

стала она смѣяться и плакать.

Пріостановилъ Іосифъ лошаденку. Думалъ себѣ старикъ:

«Не худо ль чего съ Маріей — —или волковъ забоялась?»

— волковъ по тѣмъ мѣстамъ много! —

А Богородица и говоритъ:

«Вижу я, дѣдушка, двухъ людей: одинъ человѣкъ смѣется и я съ тѣмъ радуюсь — будетъ у него большая радость: а другой человѣкъ плачетъ и я съ тѣмъ горюю — будетъ у него большое горе».

Не понялъ старикъ словъ Богородицы, но запомнились они ему, предвѣщавшія землѣ на новую жизнь:

великую радость
и лютое горе —
крестъ.

* *
*

Ѣхала Богородица съ Іосифомъ въ городъ Виѳлеемъ. Случилась тогда перепись всѣмъ жителямъ: и кто въ какомъ городѣ прописанъ, въ тотъ городъ и долженъ былъ явиться. На перепись они и ѣхали.

Время зимнее — снѣжная зима — намело снѣгу цѣлыя горы. Трудно приходилось лошаденкѣ — еле тащила по сугробамъ.

И не поѣхалъ бы Іосифъ въ такую даль, да ослушаться боялся:

строго приказано отъ царя явиться всѣмъ въ городъ.

Старый старикъ Іосифъ, съ молоду-то плотничалъ, а нынче и топоръ не слушаетъ; расчитывалъ старикъ къ вечеру въ городъ поспѣть, да сбился съ дороги.

И въ полѣ застигла ночь.

Ясная ночь. Звѣздная. Крѣпкій морозъ.

Не вставала съ саней Богородица — зябко. Старикъ за лошаденкой, понукивалъ Сивку рукавицей.

Такъ и ѣхали.

И чуетъ Богородица: пришло время.

— что тутъ дѣлать? —

— куда ей ночью среди поля? —

Въ сторонѣ отъ дороги, у лѣса, землянка. Привязалъ старикъ лошадь. Вошли въ землянку.

А въ землянкѣ конь да волъ — больше нѣтъ ни души.

— пастухи сторожили овецъ за тыномъ! —

А время приходитъ — помощь надобна.

Посылаетъ Богородица Іосифа: приведи ей бабку.

— а гдѣ въ полѣ найдешь бабку? —

Пошелъ Іосифъ по дорогѣ — и самъ не знаетъ , гдѣ и искать?

*

— — — и когда родился Христосъ, вдругъ освѣтилась землянка, свѣтло въ землянкѣ, ровно солнце взошло.

Взяла Богородица на руки сына, подняла его — и на солому положила въ ясли — въ колыбельку! — увидѣли конь и волъ младенца, подвинулись:

стали дыхать на него, своимъ грѣть тепломъ.

Младенецъ, играя, тихонько погладилъ ихъ.

А они все дыхали, грѣли его своимъ тепломъ — конь и волъ.

И онъ благословилъ ихъ —

ихъ трудную жизнь, коня и вола.

*

Идетъ Іосифъ по полю, спотыкается — ужъ глазами старикъ ничего не видитъ и ноги не слушаютъ. Принялся кликать.

— да кто отзовется среди поля! —

Звѣзды. Такъ ярко —

звѣзды поютъ надъ землей.

— — и видитъ старикъ: бѣжитъ навстрѣчу старуха, такъ по сугробамъ и сигаетъ.

Окликнулъ.

А старуха едва духъ переводитъ —

изъ города она Виѳлеема, Соломонидой зовутъ; уложила она спать

внучонка Петьку-неугомона, стала сама укладываться — день-то деньской за работой, умаешься! — «и только что завела глаза, слышу зовутъ: «Иди, говоритъ, бабушка, иди, Соломонида, иди на поле: помощь нужна».

И такъ меня всю страхомъ забило, выскочила я да бѣжать».

Обрадовался Іосифъ — повелъ къ землянкѣ.

— бѣгутъ старики! —

А въ землянкѣ свѣтъ, ровно солнце.

И увидѣли старики младенца — и ужъ подойти не смѣютъ.

А младенецъ имъ изъ яслей ручкой такъ показываетъ —

— — —

И благословилъ онъ бабушку Соломониду и старика плотника Іосифа — пріютилъ Богородицу! — —

благословилъ ихъ трудную трудовую жизнь.

*

Сторожили за тыномъ пастухи овецъ отъ волковъ.

— волковъ по тѣмъ мѣстамъ много! —

Страшно имъ ночью и разсказывали они другъ другу страшныя сказки —

— чтобъ не очень бояться! —

Вотъ поднялись овцы и къ проруби. Только пить то не пьютъ — какъ стали вкругъ проруби, голову къ небу, да такъ и остались.

— никогда еще не бывало такого! что тамъ такое? —

— или волки нагнали столбнякъ? —

Пошли пастухи посмотрѣть. Да какъ взглянутъ на небо — а съ неба имъ ангелъ:

— Чего вы, пастухи, стоите: Христосъ Спаситель родился! Ступайте скорѣе въ землянку: въ землянкѣ въ ясляхъ лежитъ Христосъ.

И собралось ангеловъ много — такъ много, какъ въ небѣ звѣздъ.

Слава въ вышнихъ Богу —
миръ на землѣ!

Пѣли ангелы вкругъ ангела-вѣстника, перелетали, какъ звѣзды.

— — и все небо кружилось — —

А овцы стоятъ у проруби — голову къ небу — смотрятъ.

Взяли пастухи по ягненку, да скорѣе къ землянкѣ.

— и овчарки за ними! —

— — —

А въ землянкѣ свѣтъ, ровно солнце.

Увидѣли пастухи младенца, пустили ягнятъ, поклонились въ землю —

Младенецъ посмотрѣлъ, и ягнятъ потрогалъ — посмотрѣлъ на пастуховъ и благословилъ ихъ —

благословилъ ихъ трудную жизнь пастуховъ.

И пошли пастухи назадъ къ стаду.

И овчарки за ними.

Пѣли пастухи за ангелами, какъ ангелы, — пѣли ангелы, перелетали, какъ звѣзды:

Слава въ вышнихъ Богу —
на землѣ миръ!

Навстрѣчу волки —

не тронули волки овецъ — ангелъ пасъ ихъ овецъ!

Шли волки къ землянкѣ — дали пастухамъ дорогу.

— видно и звѣрь почуялъ! —

*

Тамъ за огнями, за дымами, за лѣсами, за рѣками, за лѣнивымъ болотомъ у Студенаго моря — у Студенаго моря-океана, тамъ, гдѣ вѣтеръ вздымаетъ до неба ледяныя синія горы, въ студеной полунощной странѣ чародѣевъ, загремѣли-застучали въ ночи волшебные бубны.

Три лопарскихъ царя-волхва — три нойда — увидѣли звѣзду на небѣ — и узнали звѣзду: мудрые, всю жизнь ожидая, они гадали о ней. И съ дарами, безъ слугъ и оленей, пошли за крылатой звѣздой — и звѣзда, крыля, повела лопарскихъ волхвовъ въ Іерусалимъ.

* *

Много народа собралось на перепись въ Виѳлеемъ. Еще больше въ царскій городъ — въ Іерусалимъ. Городскія ворота не затворялись всю ночь. И на улицѣ шумъ, какъ на ярмарку.

По утру въ Рождество два путника показались по дорогѣ изъ Виѳлеема въ Іерусалимъ. Не простые путники —

— конь и волъ.

Шли они безъ погонщика — шли прямо по дорогѣ въ Іерусалимъ. И, вступивъ въ городъ, пошли по улицамъ. Они дыхали, какъ дыхали ночь, согрѣвая младенца въ сырой землянкѣ.

Какой-то голахъ камнемъ запустилъ — но камень скользнулъ, какъ перышко:

— они его не почувствовали, даже не вздрогнули.

Шли конь и волъ по улицѣ, дыхали.

Глаза ихъ, какъ человѣчьи, ясные. И если бы могли говорить, они сказали бы —

они вѣсть о Рождествѣ несли!

они сказали бы, что ночью родился Христосъ:

«они видѣли Его и Онъ благословилъ ихъ».

Убогіе — юродивые, странники, безумные — встрѣчая коня и вола, кланялись.

— — —

Пройдя весь городъ, конь и волъ скрылись за заставой.

Они шли дальше по дорогѣ — какъ и теперь идутъ! — и будутъ ходить по дорогамъ, пока землѣ не придетъ конецъ. И въ послѣдній часъ — они заговорятъ! — они скажутъ —

благословенные, конь и волъ.

*

Къ вечеру того же дня появились въ Іерусалимѣ пастухи изъ Виѳлеема — четыре пастуха.

Они ходили по праздничнымъ улицамъ. Ничего не видѣли и не слышали, что творилось вокругъ. Они останавливались на площадяхъ и хоромъ запѣвали странно среди гулянья:

Слава въ вышнихъ Богу —
миръ на землѣ!

Убогіе — юродивые, странники, безумные — устремляясь, какъ овцы, въ небо, окружали пастуховъ и вдругъ съ безумнымъ крикомъ, воплемъ и хохотомъ принимались пѣть за пастухами странно:

Слава въ вышнихъ Богу —
миръ на землѣ!

— — и шумная площадь кружилась — —
— тихое звѣздное небо —
— — —

Въ ночи пастухи пропали за заставой.

Они шли дальше — по слѣду вола и коня — какъ и теперь идутъ! — и будутъ ходить по землѣ съ пѣсней ангеловъ, пока землѣ не придетъ конецъ. И въ послѣдній часъ — ихъ услышатъ! — ихъ услышатъ —

благословенныхъ виѳлеемскихъ пастуховъ.

*

Скрылся конь и волъ. Пропали пастухи. Кончилась ночь.

*

Съ разсвѣтомъ замѣтили въ Іерусалимѣ старуху.

Ходила старуха по улицамъ, и не разберешь, о чемъ она и на кого показывала:

она будто дите все качала, качая, баюкала —

и вдругъ упадетъ на колѣни и заплачетъ — не отъ отчаянія она плакала, он плакала отъ радости.

Это бабушка Соломонида о Рождествѣ разсказывала — представляла, какъ носитъ она святого Младенца и качаетъ - баюкаетъ на этихъ измученныхъ рукахъ, принявшихъ на бѣлый свѣтъ за свой вѣкъ столько младенцевъ.

Убогіе — юродивые, странники, безумные — ходили за старухой, какъ ребятишки за медвѣдемъ-мишей. И когда она съ плачемъ падала на колѣни, она съ плачемъ повторяли странныя ея слова — —

— — и темная улица кружилась — —

— звѣзды на ясномъ небѣ —

— — —

Обойдя городъ, ушла старуха за заставу.

И дальше — по дорогѣ — какъ и теперь идетъ! — и будетъ ходить по землѣ, разсказывать, что ея глаза видѣли, и плакать отъ радости, пока землѣ не придетъ конецъ. И въ послѣдній часъ — ее поймутъ! — ее поймутъ —

благословенную старуху бабушку Соломониду.

*

А тамъ, отъ Студенаго моря — отъ Студенаго моря-океана, гдѣ вѣтеръ вздымаетъ до неба ледяныя синія горы, черезъ болота, черезъ рѣки, черезъ лѣса, сквозь огни и дымы три лопарскихъ царя-волхва шли за крылатой звѣздой.

И день и ночь, видя только звѣзду, не замѣчая дороги, шли волхвы, куда вела ихъ звѣзда; обтрепалась, обдергалась царская одежда, нищія лохмотья повисли на плечахъ и однѣ царскія короны, какъ звѣзды.

На третій день звѣзда привела волхвовъ въ Іерусалимъ: поднялась надъ царскимъ городомъ и пропала.

И когда появились на улицахъ Іерусалима три царя-волхва и распрашиваютъ, гдѣ родился Христосъ — «они Его звѣзду видѣли!» — царскій городъ настороржился.

— Гдѣ родился Христосъ, Спаситель міра? — останавливали они прохожихъ, — гдѣ родился царь іудейскій?

— Нѣтъ у насъ царя, кромя Ирода, — отвѣчали царямъ-волхвамъ, — и не знаемъ мы другого царя, кромѣ Ирода и сына его.

Не Архелая, сына Ирода, не Ирода — Христа царя, который побѣдитъ всѣхъ царей и возьметъ на землѣ всѣ царства, Христа Спасителя міра, надо царямъ-волхвамъ.

Неотступно, какъ волхвы за крылатой звѣздой, ходили за волхвами убогіе

— юродивые, странники, безумные. И когда волхвы спрашивали о Христѣ, они столбенѣли, ожидая.

Но отвѣта нѣтъ.

Съ-улицы-на-улицу, изъ-дома-въ-домъ, изъ-устъ-въ-уста вѣсть о лопарскихъ царяхъ-волхвахъ и о путеводной крылатой звѣздѣ и о рожденіи Христа — «царь, который побѣдитъ всѣхъ царей!» — облетя площади и перекрестки, къ вечеру проникла за неприступныя стѣны дворца.

И царь Иродъ смутился.

*

Велитъ Иродъ привести царей-волхвовъ. И привели волхвовъ во дворецъ къ Ироду. Вышелъ Иродъ къ волхвамъ. И волхвы спрашиваютъ Ирода, какъ спрашивали весь день у прохожихъ, о царѣ Христѣ:

— Гдѣ родился царь?

— — —

— Я — царь!

Былъ Иродъ невысокъ и худощавъ — малая голова, на короткой не по плечамъ толстой шеѣ, щурился — ежилъ пугливо глаза; и говорилъ неожиданно громко, баскомъ. И эта неожиданность поражала: «я — царь!».

Не поразишь лопарскихъ царей!

Лопарскіе цари имѣютъ власть надъ вѣтрами, подымали бурю, могли передвигать морскіе острова, насылали стрѣлы, обращали живое въ камень —

Лопарскіе цари проникаютъ въ тайныя дѣла и мысли и имъ открыто, что творится на землѣ и на морѣ въ далекихъ странахъ и у чужихъ народовъ —

Лопарскіе цари не знаютъ страха!

— Гдѣ родился царь Христосъ? — снова спросили они у царя.

Иродъ держитъ въ рукѣ чашу: онъ поднялъ чашу въ честь славныхъ лопарскихъ царей — —

А надъ дворцомъ восходила звѣзда — и, ставъ въ окнѣ противъ волхвовъ, звѣздами зажгла ихъ царскія короны.

И звѣзды глянули изъ глазъ волхвовъ.

— Гдѣ родился царь Христосъ? — въ третій разъ спрашиваютъ волхвы, — онъ побѣдитъ всѣхъ царей, возьметъ всѣ царства, всю землю!

И чаша выпала изъ рукъ царя.

— Идите, — сказалъ Иродъ и дрожитъ весь, — идите, узнайте о младенцѣ и возвращайтесь въ Іерусалимъ: я первый пойду и поклонюсь ему.

Пообѣщавъ вернуться въ Іерусалимъ и разсказать о младенцѣ, вышли волхвы отъ царя. И повела ихъ звѣзда изъ царскаго города Іерусалима въ Христовъ городъ Виѳлеемъ.

* *
*

Шла, крыля, звѣзда — за звѣздой волхвы.

Далеко въ полѣ отстали люди, провожая волхвовъ за заставу. И царскіе лазни-и-пролазни, уши-и-наушники, не поспѣваютъ за ними.

Кружитъ звѣзда — волхвы кружили за ней. Сворачиваетъ съ дороги въ лѣсъ — и волхвы въ лѣсъ.

И идутъ такъ лѣсомъ, полемъ, дорогой.

Морозная ночь. Звѣздная, крѣпко морозитъ. Похрустывалъ снѣгъ подъ ногами.

Звѣзда, пройдя рѣку, остановилась у лѣса за тыномъ — тихо опустилась надъ землянкой.

Свѣтло въ землянкѣ — играло солнце.

— — —

И увидѣли волхвы младенца. И подаютъ ему дары:

золото,
костяной жезлъ,
кутью,

Поклонились младенцу.

Младенецъ долго глядитъ — «золото!» «костяной жезлъ!» «кутья!». И, принявъ дары, благословилъ волхвовъ —

благословилъ ихъ трудную жизнь вѣщихъ волхвовъ, ожидавшихъ Христову звѣзду.

Звѣздами загорѣлась тѣсная землянка.

Слава въ вышнихъ Богу —
на землѣ миръ!

Изъ круга ангеловъ вышелъ ангелъ и, разрѣшивъ клятву, не велитъ волхвамъ возвращаться въ Іерусалимъ.

— Не ходите, волхвы, къ Ироду! Идите другимъ путемъ: зло на сердцѣ царя — хочетъ онъ убить младенца.

*

Богородица держитъ на рукахъ сына: пора въ дорогу! Іосифъ хлопоталъ у саней, разговариваетъ съ Сивкой. И, усадивъ Богородицу съ младенцемъ, махнулъ старикъ рукавицей.

Побѣжала лошаденка по дорогѣ въ цыганскую землю — такъ указалъ Іосифу ангелъ! — въ Египетъ.

Звѣзда низко неслась впереди — свѣтитъ путь въ Египетъ.

Слава въ вышнихъ Богу —
миръ на землѣ!

Пѣли ангелы вкругъ ангела-вѣстника, перелетали, какъ звѣзды.

— — и все небо кружилось — —

А волхвы вихремъ неслись сквозь огни и дымы, черезъ лѣса, черезъ рѣки, черезъ болота, мимо царскаго города Іерусалима, мимо Ирода царя къ Студеному морю — къ Студеному морю-океану, въ Лопарскую землю, въ студеную полунощную страну чародѣевъ.

И тамъ, въ пустынной вѣщей землѣ, начертавъ Христову звѣзду на волшебномъ бубнѣ, поднялись волхвы синими льдами и плывутъ по Студеному морю — по Студеному морю-океану, тихо отходя въ вѣчную жизнь.

* *
*

Проводивъ волхвовъ, Иродъ притаился въ окнѣ, смотритъ на дорогу —

по дорогѣ въ Виѳлеемъ сквозь вечерній сумракъ звѣздами горятъ царскія короны лопарскихъ царей.

«Волхвы найдутъ младенца Христа — волхвы вернутся въ Іерусалимъ — волхвы разскажутъ ему о младенцѣ — и онъ, царь, первый пойдетъ къ Христу съ поклономъ!»

Не поворачивая шеи и дрожа, Иродъ вдругъ начиналъ хохотать неожиданно громко баскомъ:

«Онъ первый пойдетъ къ Христу на поклонъ — —! Не начнется день, какъ не будетъ въ живыхъ Христа — царя Христа, который побѣдитъ всѣхъ царей, возьметъ всѣ царства, всю землю!»

— Я — царь!

Весь вечеръ караулитъ царь волхвовъ, притаившись у окна.

И ночь. Не возвращаются волхвы. Донесли царю, что волхвы въ Виѳлеемѣ пропали.

— Пропали?

— нѣтъ, не пропали: обманули! —

— Обманули!

— насмѣялись! —

— Насмѣялись!

— некого и нечего больше ждать! —

«Живъ Христосъ! — Онъ побѣдитъ всѣхъ царей! — побѣдитъ Ирода царя! — отниметъ всѣ царства! — у Ирода царя отниметъ его царство!»

Въ ярость пришелъ царь: топалъ ногами и кричитъ и плачетъ —

отъ обиды,

отъ безсилья.

И велитъ царь: итти въ Виѳлеемъ и тамъ истребить всѣхъ младенцевъ до двухъ лѣтъ.

*

Барабанный бой и трубы—гремитъ среди ночи царскій городъ Іерусалимъ.

Площади переполнились народомъ. По улицамъ бѣгутъ люди: кто-то крикнулъ «стрѣляютъ изъ пулеметовъ!»

Съ музыкой и пѣсней выступилъ карательный отрядъ въ Виѳлеемъ.

Звѣздная ночь морозитъ крѣпко. Похрустывалъ снѣгъ подъ ногами.

Въ полночь, достигнувъ Виѳлеема, солдаты съ музыкой и пѣснями вступили въ городъ.

И началась расправа.

Дѣти ничего не знали. Они никакихъ царей не знаютъ, — ни Ирода царя, ни сына его. И никакихъ клятвъ, никакихъ заповѣдей — Иродъ ли обманулъ волхвовъ, волхвы ли обманули Ирода? — они говорили по-своему и смотрѣли по-своему «своими глазами». Они улыбались — такъ улыбаются дѣти. Они играютъ, смѣются, плачутъ.

* *
*

— И не было на землѣ грознѣе ночи и нѣтъ грознѣе ночи и не будетъ какъ эта виѳлеемская ночь въ святые дни Рождества — въ первый день новой жизни новаго завѣта! —

* *
*

Солдаты врывались въ дома и, отрывая у матерей отъ груди малютокъ, свертывали имъ шею, какъ цыплятамъ; другихъ выбрасывали изъ колыбелекъ и сонныхъ прихлопывали сапожищемъ.

Дѣти просыпались отъ крика и, ничего не понимая, сами подставляли шею подъ ножъ, — и ихъ рѣзали тутъ же на мѣстѣ.

Дѣти, ничего не понимая, хватались рученками за блестящія сабли — игрушка! — и ихъ рѣзали тутъ же на мѣстѣ.

Вытаскивали дѣтей, какъ котятъ, на улицу и давили лошадьми, и вѣшали, и кололи пиками, и разрывали, и топили въ проруби, и шпарили, и бросали въ костеръ.

Глубокіе сугробы таютъ отъ горячей крови. И покрывается земля алой ледяной корой.

Звѣзды , наливаясь кровью, померкли.

— и не разберешь: сколькихъ годовъ и какихъ ребятъ убивать велѣно! —

*

По случаю переписи кто-то пустилъ слухъ среди дѣтей виѳлеемской голытьбы, ютившейся въ углахъ и коморкахъ, будто ночью придутъ изъ мѣсткома «записывать дѣтей на елку!»

Дѣти постарше, не спали ночь: дожидались. И когда пришли солдаты, ребятишки бросились къ солдатамъ: «записать ихъ на елку!»

Петька, внучонокъ Соломониды, староживщій весь вечеръ, задремалъ на пустой бабушкиной кровати. Вотъ сквозь сонъ слышитъ — шумятъ на улицѣ! — проснулся, думаетъ: «зовутъ!» Да на улицу.

Кричитъ:

— Меня не забудьте!

Чуть не плачетъ:

никогда онъ ни на какой елкѣ не былъ!

Солдатъ схватилъ Петьку:

— Не позабудемъ! — —да винтовкой его —

И, не пикнувъ, ткнулся Петька носомъ — и потекла кровь изо рта.

*

Барабанный бой, трубы не могли заглушить отчаяннаго вопля и крика матерей и стона и жалобнаго горькаго плача.

— каменное сердце содрогнется отъ этого дѣтскаго плача! —

До разсвѣта шла рѣзня въ Виѳлеемѣ и въ пригородахъ.

* *
*

— Четырнадцать тысячъ младенцевъ замучены въ Виѳлеемѣ въ эту кровавую ночь въ святые дни Рождества — въ первый день новой жизни новаго завѣта! —

* *
*

На разсвѣтѣ выступили солдаты изъ Виѳлеема и пошли въ Іерусалимъ, кровавя дорогу, по пути коня и вола, пастуховъ, старухи Соломониды и вѣщихъ лопарскихъ царей.

Гремитъ музыка.

А крики и вопль несутся вдогонку — и далеко по всѣмъ дорогамъ разносится плачъ.

— каменное сердце содрогнется отъ этого материнскаго плача! —

* *
*

Фыркала лошаденка.
Слѣзъ съ саней Іосифъ, сталъ прислушиваться: чудилось старику — сама земля кричитъ!
И вспомнилъ онъ слова Богородицы:
«Вижу я, дѣдушка, двухъ людей: одинъ человѣкъ смѣется и я съ тѣмъ радуюсь — будетъ у него большая радость; а другой человѣкъ плачетъ и я съ тѣмъ горюю — будетъ у него большое горе».
И понялъ — предвѣщавшія землѣ на новую жизнь:
великую радость
и лютое горе —

ХОЖДЕНІЕ БОГОРОДИЦЫ ПО МУКАМЪ

ЗАБЫТЫЕ БОГОМЪ

— — и увидѣла Богородица страшное мѣсто — муку несказанную: великую тьму

И тьма не разошлась по слову Богородицы — и во тьмѣ ничего не разглядѣла Богородица

Ангелы, стерегущіе муку, говорятъ Богородицѣ:

«Заказано намъ: да не увидятъ свѣта, пока не взойдетъ Солнце новое, свѣтлѣе семи солнцъ».

Опечалилась Богородица: «когда взойдетъ Солнце новое!»

И взмолилась она къ животворящему престолу Господню — звѣзда-надзвѣздная: «да разойдется тьма—ей видѣть всѣхъ мучащихся темною мукою!»

И вотъ внезапно свѣтъ неиздаемый разверзъ тьму.

«Что, несчастные, вы сдѣлали?» — воскликнула Богородица.

— — жигучій свѣтъ — звѣриный глазъ! — волной лелѣется — —

А тамъ скорчились: или тяжко голосъ подать?

«Что же молчите, не отвѣчаете?» — воззвали ангелы, стерегущіеся муку, къ отчаяннымъ.

А тамъ — терпѣнья нѣтъ, больно: пренебесный свѣтъ рѣжетъ глаза: отъ вѣка кинуты въ тьму — забытые Богомъ! — вѣкъ-вѣчно безпросвѣтно.

«Не поднять намъ глазъ! Ничего не видимъ! — кричатъ со дна муки мученской.

И заплакала Матерь Божія.

— — и была тишина отъ седьмого неба и до перваго — —

А тамъ, на днѣ муки, тамъ отъ ея теплыхъ слезъ прозрѣли ослѣпленные тьмою глаза — тамъ, на днѣ муки, изъ муки мученской увидѣли звѣзду-надзвѣздную.

Авраамъ — судія надъ грѣшными; Моисей — боговидецъ; Іоаннъ — предтеча Христовъ; Павелъ — восхищенный на третье небо — — ни Авраамъ, ни Моисей, ни Іоаннъ, ни Павелъ — никто, ни одинъ изъ сходившихъ во адъ, не приходилъ въ темную муку отчаянія. И одна пришла, посѣтила ихъ въ безпросвѣтной тьмѣ — въ темномъ отчаяніи Богородица:

«Ты — Покровъ!»

«Стѣна необоримая!»

И руки отчаянныхъ, уставшія просить о милости, потянулись со дна послѣдняго мученія.

«Вотъ они: тѣ, кто не вѣровалъ въ Духа Святого — въ тебя, Богородица, не вѣровалъ. Да за то здѣсь и мучатся!» — сказалъ Михаилъ, архистратигъ силы небесной, водитель по грознымъ мукамъ.

И тьма упала на грѣшниковъ —
и свѣтъ до вѣка погасъ.

Богородицу и Матерь Свѣта
въ пѣсняхъ возвеличимъ!

ЗАБЫВШІЕ БОГА

«Пойдемъ, походимъ еще: хочу видѣть всѣ муки!» — сказала Богородица архистратигу, грозныхъ силъ воеводѣ Михаилу.

И сказалъ Михаилъ: «Куда хочешь, благодатная?»

«На полночь!»

И взметнулись херувимы и серафимы и четыреста ангеловъ — вывели Богородицу съ юга на сѣверъ.

А тамъ — въ черной ночи — грозно распростерлась огнистая туча съ края на край: тамъ — костры! — стоялъ одръ къ одру — великое изъ огня и пламени ложе —

и много мужей и женъ на томъ огненномъ ложѣ.

— — пламенные языки взвивались — —

И увидѣвъ огненную муку, запечалилась Богородица:

«Кто они, несчастные, за что такъ мучатся?»

«Это тѣ, кто въ Христову ночь къ заутренѣ не вставалъ — тѣ, что забыли Святое Воскресеніе! — сказалъ Михаилъ, архистратигъ силы небесной.

«А кому если встать не въ мочь? боленъ, хворый кто? душа болитъ? душа исходитъ? за что же такъ?» — тихо горько спросила Богородица.

И сказалъ Михаилъ: «Слушай, Пресвятая Богородица: если домъ у кого загорится и съ четырехъ концовъ охватитъ пламя — вся душа, весь міръ го запылаетъ, и тотъ сгоритъ, не вспомнитъ о Христовой ночи — забудетъ Воскресеніе, на томъ нѣтъ грѣха».
И вздохнула Богородица: « — на томъ нѣтъ грѣха!»

Богородицу и Матерь Свѣта
въ пѣсняхъ возвеличимъ!

ПРЕИСПОДНЯЯ

Неисчислены муки — скорбь нескончаема!
течетъ рѣка огня негасимаго — смола кипитъ; некротокъ червь — неусыпающій; бездонные колодези — тьма непросвѣтимая — гроза негрѣема — скрежетъ — страхъ — непрестанныя слезы — несказанный трепетъ — неизглаголаны бѣды — неумолчно стенаніе — плачъ неутѣшимъ — — и вѣтеръ не взвѣетъ: крѣпко затворены вѣтры.

«Лучше бы было, да не родиться въ міръ человѣку!»
— воскликнула Богородица —

Взметнулись ангелы — отъ четырехъ вѣтровъ четыреста ангеловъ — бѣлымъ свѣтомъ бѣлыхъ крыльевъ покрыли: глубокія ямы — бездонныя окнища — терновые рвы — кипящую смолу — все поле мертвенное. И занесли Богородицу изъ полымя на дорогу въ преисподнюю.

*

Тихо горько шла Богородица въ преисподнемъ городѣ по каменнымъ улицамъ.
— небо мѣдное, безъ облакъ, безросное, плотной тяжелой корой выгибалось надъ городомъ —
«Куда хочешь, благодатная?» — спросилъ Богородицу Михаилъ, грозный воевода, архистратигъ силъ небесныхъ.
Ничего не сказала Богородица, не обернулась къ грозному водителю.
Тихо горько шла Богородица по каменнымъ улицамъ преисподняго города.
— черныя башенныя стѣны простирались до самыхъ небесъ —
И стала Богородица у воротъ великаго темничнаго зданія:
«Радуйся, благодатная, Господь съ тобою!» — встрѣтила стража Богородицу.

И стояли поникшіе: лица ихъ до-черна измученныя и бѣлыя крылья опущены.

«Кто вы, несчастные?» — спросила Богородица.

«Мы стражи мукъ человѣческихъ: стережомъ мучительства грѣшниковъ!»

И припавъ къ ногамъ Богородицы, сказалъ одинъ изъ ангеловъ:

«Матерь Божія, сжалься надъ нами! Какъ стали мы у очага мучительства, свѣтъ покинулъ насъ, померкло въ глазахъ. День и ночь безсмѣнно видѣть горе человѣческое. А когда приходитъ и къ измученнымъ грѣшникамъ отдыхъ и мы подымаемъ глаза, нѣтъ, не покой, это безсилье отчаянія, мертвая боль. И снова вопль и крикъ — еще рѣзче, еще безнадежнѣе, и проклятіе. И всѣ проклятія падаютъ на насъ. Видѣть все, чувствовать, хотѣть помочь — — хотимъ помочь и не можемъ, помоги намъ, Матерь Божія! Муки свидѣтелей мученія горчѣе муки наказанныхъ».

«Возстань и бодрствуй! — грозно сказалъ Михаилъ, грозный архангелъ, поникшему ангелу, — или не знаешь: каждому дано дѣло по силѣ его. И вамъ, какъ крѣпкимъ изъ силъ, дано тягчайшее. И горе тому, кто не изнесетъ дѣла своего до конца».

«Лучше бы было, да и самому міру въ вѣкахъ не стоять!»
— воскликнула Богородица —

И пошла она прочь отъ великаго темничнаго зданія, отъ мрачныхъ ангеловъ — стражи мучительства.

*

Вся въ слезахъ, закрываясь ладонями, шла Богородица по каменнымъ улицамъ преисподняго города за заставу —

там буря бушуетъ — зла печаль, плачъ! тамъ бѣлѣетъ нашъ родимый снѣгъ, а и капельки воды нѣтъ охладить запекшіяся уста!

за заставу шла Богородица къ геннѣ огненной, гдѣ пол-міра мучатся грѣшниковъ.

«Хочу — мучиться — съ грѣшными!»

Богородицу и Матерь Свѣта
въ пѣсняхъ возвеличимъ!

ХРИСТОВЪ КРЕСТНИКЪ

Въ бѣдности жили люди, въ такой крайней нуждѣ, когда и попросить къ себѣ въ гости нельзя. А вѣдь у всякаго есть праздникъ и безъ праздника не свѣтла трудная жизнь!. И вотъ родился сынъ: окрестить надо, а въ кумовья и позвать некого. Сидитъ Иванъ да Марья: «что съ ребенкомъ дѣлать?» Богатъ если и въ силѣ — всѣ къ тебѣ придутъ, а рваньемъ нешто заманишь? Да ропотомъ тоже не поможешь. А идетъ мимо странникъ —

«Позовемъ странника: странникъ не откажетъ!»

А какъ заглянули въ лицо, даже страхъ сталъ: безъ носу и какъ смерть сама, щерится.

«А какъ назовемъ младенца?» — Марья ужъ и не рада. Да что подѣлать: некрещеному тоже не возможно!

«Іовомъ назовемъ, — кротко отвѣтилъ странникъ, — Іовъ крестникъ мой».

И окрестили: Іовомъ назвали младенца. И жалко имъ стало странника. Видно, и самъ онъ не отъ радости, а по судьбѣ: и кто это знаетъ: за что и для чего человѣку такое — въ міръ ты пришелъ и всѣ бѣгутъ отъ тебя?.

«Попросимъ, — говоритъ Иванъ Марьѣ, — нашего кума: хоть такъ посидѣть съ нами.

Хвать, а его и нѣтъ — какъ и не было.

*

Выросъ Іовъ, спрашиваетъ: гдѣ его крестный и кто онъ такой? Не хотѣлось разсказывать: жили они ужъ не такъ: чего вспоминать? стали поправляться — стало и у нихъ и свѣтло и весело въ домѣ. Это съ Іовомъ пришло, видно, счастье!. А Іовъ пристаетъ: скажи да скажи.

«Въ бѣдности мы жили, — сказалъ отецъ, — никто къ намъ и не придетъ: бывало, да и пригласить совѣстно, а какъ ты родился и въ кумовья позвать некого: кто пойдетъ къ нищему! Согласился странникъ одинъ, окрестили тебя, и съ того дня пропалъ, больше и не видѣли».

«А вотъ бы мнѣ повидать его! — задумался Іовъ, — на Свѣтлый день, какъ идутъ изъ церкви, христосоются съ крестнымъ, а мнѣ и не съ кѣмъ».

«Глупый ты глупый, — сказала мать, — крестный-то твой срамной!»

На заутренѣ въ Пасху стоитъ Іовъ въ церкви. Всѣ идутъ и христосоются, онъ одинъ стоитъ и подойти ему не къ кому. И вотъ подходитъ къ нему — — сталъ передъ нимъ:

«Христосъ воскресъ, милый крестникъ мой!»

«Воистину воскресъ», — обрадовался Іовъ: нашелъ онъ крестнаго!

Крестный взялъ его за руку и повелъ — не изъ церкви, въ церкви же по воздуху вверхъ — на небеса.

Плачутъ отецъ и мать: потеряли сына! Сѣсть разговляться — Іова нѣтъ: Іовъ пропалъ.

«Видѣли вы нашего сына у заутрени?»

Говорятъ: «Видѣли: съ крестнымъ онъ христосовался и вмѣстѣ изъ церкви вышли. Подъ стать другъ другу, какъ сверстники».

«Такъ это какой проходимецъ увелъ его: вѣдь, крестный его — старый».

*

Годъ не было Іова дома — годъ не было о Іовѣ слуха. Горевали старики о сынѣ: помириться не могутъ: пропалъ! А надо принять бѣду: не спроста приходитъ бѣда и нѣтъ ничего, что бы зря было въ жизни — и боль и напасти; и только кто это знаетъ: за что и для чего человѣку такое?

На другой годъ, въ самую Христову заутреню, какъ итти христосоваться, Іовъ какъ отъ сна очнулся: и на которомъ мѣстѣ стоялъ въ церкви, тамъ и стоитъ. Кончилась служба, приходитъ онъ домой.

«Христосъ воскресъ, родители мои!»

Взглянули старики: Іовъ, сынъ ихъ! — «Воистиму Воскресъ!»

Расплакались: не ждали вѣдь, не чаяли! — «Воистину воскресъ!»

Спрашиваютъ, гдѣ былъ, гдѣ пропадалъ: цѣлый вѣдь годъ!

«И не годъ — только три часа! И завтра опять пойду».

«Да куда же ты — опять?»

«Къ Марку богатому: отнести ему надо златницу отъ крестнаго. Я вѣдь нашелъ крестнаго, у крестнаго я и былъ».

Еще только солнцу взойти, Іовъ прощается. И не пускали — «хоть бы съ нами денекъ одинъ прожилъ!» — ушелъ.

*

Приходитъ Іовъ къ Марку-богатому: сидитъ Маркъ у окна, качаетъ въ люлькѣ родителей — старые они, ходить не могутъ.

«Прими, Маркъ, златницу, корми родителей, тебѣ на хлѣбъ».

«Не надо мнѣ золота: отымутъ у меня богатые, засудятъ судьи».

Вернулъ Маркъ деньги Іову. И вышелъ Іовъ отъ нищаго — Марка-богатаго.

Идетъ Іовъ путемъ-дорогою:

— люди дрова перекладываютъ —

«Богъ въ помощь, добрые люди!»

«Ой, милый братецъ, рукавицъ на рукахъ нѣту и видишь: безъ сапогъ, голы мы и босы, оборвались совсѣмъ и отъ голода силы не стало. Спроси у Господа Бога: долго ли намъ горевать?»

Дальше Іовъ идетъ:

— женщины воду черпаютъ: изъ колодца въ колодецъ воду ведрами переливаютъ —

«Богъ въ помощь, добрые люди!»

«Ой, милый братецъ, кожа съ рукъ слѣзла, иззябли. Спроси у Господа Бога долго ли намъ горевать?»

Дальше Іовъ идетъ:

— подъ угломъ дома старуха: держитъ домъ на плечахъ —

«Богъ въ помощь, добрый человѣкъ!»

«Ой, милый братецъ, всю спину разломило: этакую тяжесть день-деньской все на себѣ. Спроси у Господа Бога: долго ли мнѣ горевать?»

Дальше Іовъ идетъ:

— лежитъ щука на дорогѣ — вотъ-вотъ глаза выйдутъ — ротъ разинула —

Пожалѣлъ Іовъ щуку.

И говоритъ ему щука: «Ой, милый братецъ, не могу безъ воды и поплавать такъ хочется, не могу жить на землѣ. Спроси у Господа Бога: долго ли мнѣ горевать?»

И приходитъ Іовъ къ пещерѣ.

«Здравствуй, крестный! Едва я нашелъ тебя».

«А гдѣ же ты былъ?»

«Я отъ Марка-богатаго».

«Ты всю землю прошелъ».

«Не беретъ Маркъ золота: отнимутъ, говоритъ, богатые, засудятъ судьи».

«Хлѣба снеси ему».

«А когда шелъ я, попались мнѣ люди: дрова перекладываютъ — очень мучаются, оборванные и голодные».

«Пускай перекладываютъ до вѣка: зачѣмъ дрова воровали — обидой, клеветой, своимъ черствымъ сердцемъ отымали тепло у сердца!»

«Встрѣтилъ я женщинъ: переливаютъ воду изъ колодца въ колодецъ: иззябли».

«Пускай переливаютъ до вѣка: зачѣмъ воду въ молоко подливали — обманывали, обольщали сердце!»

«Еще встрѣтилъ я старуху: держитъ домъ на плечахъ».

«Пусть держитъ до вѣка: зачѣмъ подслушивала подъ окнами — ссорила и разлучала!»

«Еще видѣлъ я щуку: лежитъ на дорогѣ — перетрескалась вся, отъ жажды ротъ разинутъ, просится въ море».

«Жадная, жестокая: пускай выглотнетъ сорокъ кораблей, будетъ въ морѣ!»

Іовъ хотѣлъ было итти и передать слова крестнаго всѣмъ измученнымъ: они тамъ на дорогѣ ждутъ его.

«Милый мой крестникъ, — остановилъ крестный, — есть у Загорнаго царя дочь царевна Магдалина: возьми ее замужъ. Я васъ обвѣнчаю».

Простился Іовъ и пошелъ изъ пещеры назадъ той же дорогой.

Приходитъ Іовъ къ щукѣ.

Обрадовалась: «Ну, что, милый братецъ?»

«А выплюнь ты сорокъ кораблей и будешь въ морѣ — свободна!»

Выплюнула щука корабль за кораблемъ — всѣ сорокъ кораблей, и поплыла себѣ въ море.

Приходитъ Іовъ къ старухѣ: плечомъ домъ держитъ.

«Ну, что, милый братецъ?»

«Горюй до вѣка».

Заплакала старуха: «— — до вѣка! когда же?»

Приходитъ Іовъ къ тѣмъ: воду изъ колодца въ колодецъ переливаютъ.

«Ну, что, милый братецъ?»

«Горюйте до вѣка».

Задрожали несчастныя: «— — до вѣка! и когда же конецъ?»

Приходитъ Іовъ и къ тѣмъ: дрова перекладываютъ, къ оборваннымъ и голоднымъ.

«Ну, что, милый братецъ?»

«Горюйте до вѣка».

И руки опустились: «— — до вѣка! вѣкъ вѣчный?»

Приходитъ Іовъ къ Марку-богатому.

«Маркъ, вотъ тебѣ хлѣбъ».

«Не надо мнѣ: мои родители померли».

Положилъ Іовъ на столъ хлѣбъ нищему — Марку-богатому.

*

Обидно отцу и матери: не живетъ сынъ съ ними.

«Не на то мы тебя ростили, что тебя дома нѣтъ!» — и горько старикамъ: «некому будетъ и глазъ закрыть».

Странникомъ въ крестнаго ходитъ Іовъ по труднымъ дорогамъ — сколько есть радости въ мірѣ и въ этомъ же мірѣ такая невыносная мука:

«И неужто нѣтъ срока?» — «И горе — на вѣки?» — «И какая такая сила — освободиться?»

Говоритъ Іовъ отцу и матери: «Есть у Загорнаго царя дочь Магдалина: крестный просваталъ мнѣ».

«Магдалину? Въ гноѣ лежитъ она, страшно смотрѣть, ей и ѣду въ окно подаютъ».

Не послушалъ Іовъ: Магдалина будетъ его женою.

Спрашиваетъ Іовъ: «Можно видѣть царевну?»

«Ой, милый братецъ, — говоритъ царица, — нельзя къ ней: смрадъ идетъ».

«Я ее беру въ обрученье».

Заплакала мать: «Несчастная она!»

Іовъ вошелъ къ царевнѣ — царевна лежала на вѣкъ безъ надежды. Подняла она глаза безнадежно: никогда ужъ никого не просила и въ ея сердцѣ послѣднія жалобы острупѣли.

«Вставай, Магдалина, я, Іовъ, женихъ твой!» — и взялъ ее за правую руку, какъ невѣсту.

И вдругъ какъ огонь жарко огнемъ пыхнуло — и чиста поднялась Магдалина невѣстой.

Въ церковь къ Преображенію Господню повелъ Іовъ невѣсту. Тутъ ихъ крестный и повѣнчалъ: Іова и Магдалину.

«Милые крестники мои, оставляйте эту жизнь, ступайте за мной!» — и повелъ ихъ изъ церкви — въ церкви по воздуху вверхъ на небеса.

ПРЕКРАСНАЯ ПУСТЫНЯ

Прекрасная пустыня,
любимая моя мати!
Пришли тебя зажигать — со мной разлучають.
Я скажу тебѣ тайно: какъ люблю тебя, твою густыню,
твои очи —
твои очи, что озера, тамъ отъ берега до берега волна
волнится, и тихи и тайны, что частыня.
А за то полюбилъ тебя и матерью назвалъ:
я нашелъ въ твоей дубравѣ и милость и правду.
Безмолвная и непраздисловна, мудрая и терпѣлива!
Теперь ты огню предаешься — и я тобою покинуть,
ты горишь! — въ которую страну посылаешь?
Прекрасная пустыня,
любимая моя мати!

Я бѣжалъ отъ суетнаго міра — отъ вражды и непокоя;
въ тебя водворился — въ тебѣ нашелъ: и правду
и милость и защиту.
Тихость твоя безмолвная, палаты твои лѣсовольныя,
спасеніе мое, мудрость и благодать!
Теперь ты огню предаешься и я уйти отъ тебя долженъ,
ты горишь! — въ которую страну посылаешь?
и гдѣ, на какомъ мѣстѣ мнѣ быть?
Прекрасная пустыня,
любимая моя мати!

Прости меня — прощаюсь съ тобой;
благослови меня одному свой вѣкъ вѣковать!
Не пойду я искать островов непроходимыхъ,
ни безлюднаго безмолвнаго мѣста, ни землянную пещеру —

благослови меня, мать пустыня, въ міръ вернуться,
въ міръ — въ суету мірскую.
Я взвихрю себѣ стрѣлами волосы,
покрою плечи алымъ — твои алыя зори! — платкомъ,
я пойду по большой дорогѣ, выйду на площадь:
буду о тебѣ разсказывать — о твоей правдѣ,
милости и защитѣ.
Будутъ надо мной смѣяться, будутъ бить меня больно —
промолчу, поклонюсь на побои: все перенесу,
все претерплю ради правды твоей —
Прекрасная пустыня,
любимая моя мати!

Въ мірѣ есть много несчастныхъ: оскорбленныхъ,
неутѣшныхъ — горекъ міръ, горюча тоска.
Если утѣшу — твоимъ свѣтомъ утѣшу:
свѣтъ во мнѣ — свѣтъ отъ тебя.
И когда послѣ страдныхъ дней странныхъ
подъ милый осенній дождикъ упаду гдѣ-нибудь подъ заборомъ,
ты придешь — ты меня примешь на свои руки:
ты меня не покинешь!
И очи твои будутъ близко — и я уйду за тобой
съ легкимъ сердцемъ всѣмъ сердцемъ желая — въ жизнь вѣковую.
Прекрасная пустыня,
любимая моя мати!

СОКРОВИЩЕ АНГЕЛОВЪ

Есть въ Божьемъ мірѣ пресвѣтлый рай —
пречистое царство ангеловъ.
Весь озаренъ свѣтомъ Божіимъ стоитъ градъ избранныхъ —
а стражъ его: великій ангелъ:
какъ свѣтъ, одежда свѣтлая,
и распростерты крылья бѣлыя,
копье въ рукахъ.

Тамъ съ праведными сирины вкушаютъ золотыя яблоки,
поютъ пѣсни пѣсневыя, утѣшаютъ святыхъ угодниковъ.
Тамъ ни печали, ни воздыханія, тамъ жизнь безконечная.

Дологъ труденъ путь протягливый до рая пресвѣтлаго.
Много званныхъ на пиръ въ пресвѣтлый рай — —
а не увидѣли они свѣта Божія — неизбранные —
не дошли до камня рубежнаго: тамъ сторожитъ великій ангелъ:
какъ свѣтъ одежда свѣтлая,
и распростерты крылья бѣлыя,
копье въ рукахъ.

Кому же открыты врата райскія?
И кто избранный изъ позванныхъ?

— чистое сердце кипенное, творящее волю Божію —
отъ Бога избрано;
— сердце, въ тучѣ измаявшееся —
отъ Бога избрано;
— сердце раненое —
отъ Бога избрано;

— сердце, открытое къ людской бѣдѣ и горестямъ —
от Бога избрано;
— сердце обрадованное, благословляющее —
отъ Бога избрано;
— сердце униженное —
отъ Бога избрано;
— сердце, отъ обиды изнывшее —
отъ Бога избрано;
— сердце, пламенное правды ради —
отъ Бога избрано;
— сердце, измучившееся о неправдѣ нашей —
отъ Бога избрано;
— сердце кроткое —
отъ Бога избрано;
— сердце, готовое принять и послѣднiй грѣхъ ради свѣта Божiя, ради чистоты на трудной землѣ въ жестокомъ мiрѣ —
отъ Бога избрано;
— сердце великое Матери Свѣта — Звѣзда-надзвѣздная! — восхотѣвшей съ нами мыкаться, съ нами горевать и мучиться, съ нами — обреченными —
вотъ сердце — отъ Бога избранное,
вотъ кому открыты врата райскiя.

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins. Paris XIII.